

СЕМИНАР

«ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО,
ЛИЧНОСТЬ XXI ВЕКА: РЕАЛЬНОСТЬ,
ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗЫ»

29–30 НОЯБРЯ 2014 Г.

«Всякое ослабление умственной жизни в обществе неизбежно влечет за собой усиление материальных и гнусно-эгоистических инстинктов»

Федор Иванович Тютчев

ПРОГРАММА СЕМИНАРА

Суббота, 29 ноября 2014 г.

Музыкальное сопровождение: Александр Бородин /фрагменты из оперы «Князь Игорь», Симфония № 2 си минор «Богатырская»

- 10:00-10:10**   **Открытие семинара**
- 10:10-11:45**   Сессия:
«Трансформации института государства в условиях постиндустриального развития»
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич,
доктор политических наук, профессор департамента политической науки Национального исследовательского университета Высшая школа экономики и кафедры политических наук Российского университета дружбы народов
- 11:45-12:15**   **Кофе-пауза**
- 12:15-14:00**   Сессия:
«Трансформации института государства в условиях постиндустриального развития»
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич,
доктор политических наук, профессор департамента политической науки Национального исследовательского университета Высшая школа экономики и кафедры политических наук Российского университета дружбы народов
- 14:00-14:45**   **Обед**
- 14:45-16:15**   Лаборатория:
«Возможные точки роста»
Теория Эннеаграммы. Драйверы "неизвестного Я"
САВЕЛЮШКИНА Ирина Викторовна
психолог, бизнес-тренер, сертифицированный НЛП-практик, трансформационный Коуч-практик, мастер Эннеаграммы, член ICTA (International coach and trainer Association)
- 16:15-16:45**   **Кофе-пауза**
- 16:45-18:15**   Лаборатория. Дискуссия:
«Возможные точки роста»
САВЕЛЮШКИНА Ирина Викторовна
психолог, бизнес-тренер, сертифицированный НЛП-практик, трансформационный Коуч-практик, мастер Эннеаграммы, член ICTA (International coach and trainer Association)

Воскресенье, 30 ноября 2014 г.

Музыкальное сопровождение: Альфред Шнитке /Кантата «История доктора Иоганна Фауста, Concerto grosso № 1 (фрагмент), Сюита в старинном стиле (фрагмент), «Ревизская сказка»

- 10:00-11:45** Сессия:
«Национальная политика в России: проблемы и перспективы»
МАРКЕДОНОВ Сергей Мирославович
кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа
- 11:45–12:15** **Кофе-пауза**
- 12:15–14:00** Сессия:
«Национальная политика в России: проблемы и перспективы»
МАРКЕДОНОВ Сергей Мирославович
кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа
- 14:00– 14:45** **Обед**
- 14:45–16:15** Сессия:
«Личность и общество в экзистенциальной психологии»
МАТВЕЙЧЕВ Олег Анатольевич,
кандидат философских наук, профессор практической философии ВШЭ-ГУ, действительный член академии Национальной академии социальных технологий
- 16:15– 16:45** **Кофе-пауза**
- 16:45–18:45** Сессия:
«Личность и общество в экзистенциальной психологии»
МАТВЕЙЧЕВ Олег Анатольевич,
кандидат философских наук, профессор практической философии ВШЭ-ГУ, действительный член академии Национальной академии социальных технологий
- 18:45-19:00** **Подведение итогов. Закрытие семинара**

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Неклесса

Мир как сумма взаимодействий 7

Александр Неклесса

Разбитые окна 18

Глобализация и постглобализация: человечество переживает кризис социокосмоса»

Григорий Померанц

Закаты и зори цивилизации. На возврате к традиции 23

Под редакцией Юлия Нисневича

Индексы развития государств мира 27

Александр Аузан

**Готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к
великой державе 32**

Сергей Маркедонов

Признание – не догма 35

Глобальная политика глазами российской элиты 41

Игорь Фроянов

**Исторический опыт России – это нескончаемая, многовековая
борьба за собственный суверенитет 48**

Надежда Валенурова, Олег Матвейчев

Современный человек: в поисках смысла 55

Мир как сумма взаимодействий

Александр Иванович Неклесса

руководитель Группы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, директор Центра геоэкономических исследований (Лаборатория «Север–Юг») Института Африки РАН

Город – национальное государство – геокон – мир сообществ

Сегодня эпоха, предъявившая миру экспансию городской культуры и адекватные ей политические, экономические форматы, близка к завершению. Города – деятельные организмы, заселив планету, они продолжают умножаться в числе. Расползаясь мегаполисами, обрастая фавелами, претерпевая разнообразные мутации, превращаются в хабы, терминалы, закоулки глобального метаполиса.

Разговоры о постиндустриальном или информационном обществе, конфликте цивилизаций, «конце истории», плоском или подвижном мире – попытки опознания сути переживаемого транзита, его сшитая на живую нитку формализация. Токи универсализма и персонализма, миграция народов расплавляют арматуру политических наций, «мировой пожар» охватывает затем территориальные, отраслевые, профессиональные институты/организованности, обжигая огнем бытия. Количество жителей на планете прирастало за прошлый век миллиардами, эффективные коммуникации, транспорт, изощренный технический инструментарий резко повысили интенсивность взаимодействия, результативность комплексных процедур. На трансграничной земле ведется чреватый конфликтами диалог культур и мировоззрений.

Прежний мир развоплощается, его обитатели утрачивают привычный статус, инструменты цивилизации усложняются, функции персонализируются, трескается скорлупа обезличенных институтов. «Восстание масс», растворяясь в индустриальном подъеме, простимулировало бунт элит, а обустроенная на перепутье эпох и культурных миров соборная Ойкумена подвергается теперь трансгрессии и вивисекции со стороны новых варваров Севера и Юга. Национальные государства утрачивают привычную актуальность, их суверенность изменяется под влиянием глобализации, глокализации, субсидиарности, новых формул политического единения. Прагматичный же консенсус былого и будущего – региональные и геоэкономические интегрии, по-своему перемалывающие состояния и границы прежних обществ.

Глобальная революция – грандиозный переворот, универсальная дисперсия, взрыв антропологической вселенной. На планете сегодня складывается полифоничная среда, формируется подвижное многоликое и многолюдное общество. Наряду с прежней политэкономической феноменологией и поверх административной сетки возникает мир сообществ, выстраиваемых по экзотичным лекалам, характерные черты которых: примат культурной гравитации, потоковая социальность, распределенная множественность мест обитания.

Новое мироустройство заметно изменяет прописи практики. В XXI веке страны уже не территории, это социально и культурно мотивированные кооперации: корпоративные и социокультурные интегрии, люди. В сплетении транспортных коридоров, коммуникационных артерий, виртуальных сетей и трансграничных ареалов утверждаются влиятельные субъекты: мировые регулирующие органы, страны-системы, геоэкономические ареалы, государства-корпорации, энигматичные облачные структуры. Социальные, политические, финансовые, знаниевые организмы, рожденные цивилизацией, облакаются в подвижные оболочки – суммы взаимодействий, реализуемые всё чаще неформальным и частным образом.

В этих условиях обостряется конкуренция за источники социального притяжения. Культурная гравитация – пожалуй, наиболее востребованный стратегический ресурс: золотой песок, клондайк Нового мира. Магнетизм, присущий нематериальным активам нации – оригинальному мировидению, политической философии, смыслообразующим началам, осознанной идентичности, – играет роль особой склейки, удерживающей осваивающее трансграничность сообщество от поглощения иными мирами. Вместе с творческими, интеллектуальными, моральными ресурсами социокультурный капитал – одна из наиболее значимых целей и ценностей в борьбе за подвижную конфигурацию XXI века.

Человек, отягощенный прошлым, его вязкой инерцией, привык воспринимать историю как однажды написанную книгу, подзабыв, что текст искривится и мерцает, строки переливаются, а прочтение будущих глав – плод внутренних и внешних усилий.

Миростроительство

Миростроительство началось с обживания земли, а утверждением присутствия на ней человека стал Город.

Рождение города окутано тайной. В Библии его создателем назван Каин. Модель протогорода-лабиринта (гипогейума) принципиально закрыта, и чтобы проникнуть внутрь, чужестранцу приходилось подчас идти на хитрость. Драматичный отголосок этой коллизии содержится в одном из центральных эпизодов эпоса Гомера. Но затруднен был не только вход, но и выход, причем данный сюжет присутствует в древних текстах, пожалуй, даже чаще первого.

Мир негативной архитектуры лабиринта вывернут наизнанку: здесь доминирует земная плоть (земля, ставшая небом), предельно ограничена линия горизонта, а свободное пространство («воля», воздух) – вымерено мастерством строителя и подчинено власти клана. За кромкой тяжелых небес таился некий неблагодатный секрет, и тот, кто чувствовал силы его осмыслить, становился жертвой сумрачного грота – очередным жрецом-архитектором, исчисляющим и продлевающим паутину тоннелей...

Эпоха Древнего мира – это период «отделения тверди от моря». В среде родовых поселений – культуре деревень – складывалась «новая историческая общность»: мозаичный мир земных городов. Генезис города-государства – история интеграции и разделения. Интеграции племен и поселений, отделения от природы и трансформации разобщенного существования в «единство непохожих».

Город возник как особое пространство взаимодействия, интеркоммуникационный узел – сакральное место для родов и поселений. Здесь располагалось общее (особое) кладбище и жертвенник: процесс погребения – точка максимального соприкосновения обыденного и потустороннего. Дополнительным важным фактором была близость «большой воды». Это место выполняло также комплементарные, но устойчивые мирские функции, служило пунктом ежегодного сбора родов в день поминовения усопших, зоной обмена вещами, информацией, то есть являлось базаром, ярмаркой, что еще крепче объединяло близлежащие поселки. Эта особая земля притягивала и дальних странников, которые, однако, не всегда могли войти во внутреннее пространство «белого города», располагаясь на специально отведенной территории.

Первогород был местом социального акта (тинг, вече), где принимались политические, правовые и экономические решения, зарождались институты централизованной – «федеральной» – власти. Постепенно местность обустроивалась. В середине – как правило, на холме – располагалось кладбище. Причем это были не ординарные могилы, а скорее город мертвых со своими особыми «домами», «дворцами», катакомбами. Рядом – ритуальная площадка, нередко объединявшая в единый комплекс гробницу, храм и дворец. Вокруг со временем обустроивались торговые ряды, еще дальше размещались жилища интерплеменного народа – священников, торговцев, охраны, а также временные жилища – городские виллы – уважаемых жителей поселений.

Первым городом человечества – и одновременно обителью богов – был, таким образом, произрастающий из земли некрополь (обитель предков-богов). А первая главная стена возникла не вокруг города, но внутри него. То есть вокруг сакральной территории, отделяя ее от территории мирской – жилой, торговой. Причем внутренние ограды – кладка склепов и гробниц «запретного города» – были массивнее и крепче внешних фортификаций, подчас просто символических. Теперь достаточно было, следуя логике аналогового, синхронистичного мышления той поры, обнести второе пространство внешней стеной – укреплениями, подобными ограде поселений, или просто «магической» (административной) чертой, – чтобы появился город, город-государство как социальный феномен, которого доселе не существовало.

Картография нового организма содержала в себе три логических круга:

- истинный город с горожанами, гражданами – привилегированным населением;
- обширные предместья, где обитали входившие в круг и реестр города-государства сельчане-хоритики;
- отдельный терминал для внешнего люда, преимущественно иноплеменных торговцев, – *portus*.

Центр города, его храм хранили порядок вещей, таблицу судьбы. Внешние стены – ограждали порядок от бурных вод моря житейского. Стража и врата отделяли и одновременно соединяли цивилизацию (организацию) и варварство (хаос).

Генезис города – соединение обиталищ живых и мертвых: здесь гробница, чертог смерти, становится обустроенным пространством культа, а царский дворец является частью некрополя. Тайна городской цивилизации (если это вообще не тавтология), образно говоря, лежит в могиле. Так или иначе в социальном универсуме появилось нечто отличное от прежних поселений, а те в свою очередь обрели специфику: утратив первородство, они стали именоваться деревнями. В

древней истории, кажется, сплошь и рядом старшинство, первородство были чреватые падением и проклятием.

Следующий акт земной драмы – «явление суши»: эон великих империй/интегрий, возникший уже как результат взаимодействия городов-государств. Это период формирования разнообразных союзов, запутанных взаимоотношений и борьбы – торговой, религиозной, военной. По-видимому, всё же не алчность и не быт господствовали над человеком, но более мрачные и решительные силы. Это было время соперничества и раздоров под эгидой племенных божков, идолов, борьбы имен и названий, сопровождавшейся стиранием наименований, искажением исторической памяти. Первые войны человечества были, в сущности, «войнами богов». Активно состязающиеся кланы, две ведущие социальные силы того времени – «люди дворца» и «люди храма». Обеспечивая безопасность, собирая налоги, добывая трофеи, дворец был источником административной власти и образом зримых, мирских богатств. Храм же – гарантировал единство мировоззрения и культуры, и он же, аккумулируя корпус знаний эпохи, информационные потоки, массовые пожертвования, становился средоточием идеологических и финансовых схем Древнего мира.

Эпоха войн знаменовала переход человечества от состояния, в котором доминировала сакральность, господствовало жречество, к новой социальной схеме, где центральное место занимало воинское и управленческое сословия.

Резко возрос статус царской власти – он стал позволять ее представителям претендовать на обладание сакральными жилищами (дворцами), что подтвердило новый (полу)божественный ранг правителей. Формировались и распадалась необъятные по прежним меркам пространства, наступало время великих объединений (интегрий), великих империй – протяженных территорий, соединенных властью, экономикой, культурой. Сообщества-интегрии порождали качественно новую форму города – метрополию, столицу – город-лидер, перед которым склоняли головы правители городов-государств. Появлялись иные версии городской культуры: растущие на имперских дрожжах терминалы (прежние *portus*) и создаваемые на обширных просторах искусственные скрепы-поселения («колонии»), где располагались гарнизоны и обитали переселенцы.

Здесь мы находимся на устойчивой почве исторических свидетельств. Предшествующее время – эпоха возникновения изолированных городов-государств – известно нам скорее как археологическая реальность. (Города как феномен возникают, судя по всему, где-то 5-6 тысяч лет назад, их раскопки ведутся на территориях Турции, Сирии, в долине Иордана, в Месопотамии – земле Сеннаар.) А вот государства-интегрии и империи – это более близкая история, известная из письменных источников: историческая Халдея – Шумер и Аккад как устойчивое сообщество городов, – Древний Египет, Ассирия, Китай, Персия, а также Древняя Греция, особенно в эпоху эллинизма, наконец, Римская империя. Эта форма социальной организации несла в себе ген монотонной, поступательной экспансии, что, казалось, должно было бы привести социальный космос к своеобразной тепловой смерти – установлению со временем на планете единой безграничной империи. История, однако, развивалась иначе.

Подведем предварительные итоги. В своем генезисе социальная система прошла три стадии:

- лишенной времени протоистории – аморфного состояния, когда диффузное общество было растворено в окружающей среде и практически не существовало как самостоятельная, автономная реальность;
- становления городов-государств – периода, когда социальная система «коагулирует», интегрируется и начинает активно противопоставлять себя внешней среде;
- возникновения обширных метаструктур, опирающихся в поддержании социальной устойчивости на разветвленную административную иерархию и централизованные механизмы управления.

Так в процессе самоорганизации человечества были сделаны три шага, а затем происходит системная революция, переломившая ход мировой истории.

История как строительство Глобального Града

Нет прекрасной поверхности без ужасной глубины.

Фридрих Ницше

Существует исторический порог, который преодолело человечество. Он связан с началом христианской эры, ставшей Модерном, радикальной системной новацией по отношению к миру традиционному. День истории был отделен от ночи повседневности «для знамений, и времен, и дней, и годов». И время радикально изменило характер. Люди новой эпохи хорошо сознавали это, называя себя *moderni*, чтобы отличить от обитателей прошлого, ветхого мира – *antiqui*. Позднее, однако, понятие Модерна приобрело иную акцентуацию, фиксируя отличие Нового времени от Средневековья (а в истории культуры получило со временем даже третий смысл).

Прежний контур социального времени имел фактически замкнутый, циклический характер, хотя, как мы видели, и там можно выделить эпохи – городов-государств, великих империй. Но приближение перемен предчувствовалось. Они проявлялись на протяжении нескольких веков: распространялись эсхатологические настроения, мессианство, то есть происходила значимая перемена направления исторического взора – от прошлого к будущему. Одновременно совершался рассвет монотеизма. Весь этот комплекс обновления позволил Карлу Ясперсу ввести понятие «осевого времени» – пролога вселенского переворота.

История в современном ее понимании тысячью нитей – явно и скрыто, прямо и опосредованно – связана именно с христианской культурой, с внесением смысла в сумятицу времени, с вселенским домостроительством. Общество, возникшее на этой грандиозной строительной площадке, называлось по-разному: христианская, или европейская, цивилизация – либо просто современная цивилизация, «наша эра». Впрочем, в смене имен всегда заложен некий внутренний смысл.

Откуда же взялись поразительные по размаху и следствиям творческие возможности, позволившие за сравнительно недолгий исторический срок преодолеть скудные времена, радикально преобразовав стиль жизни и облик планеты? Разница заключалась в том, что появилась человеческая личность, освобожденная от дурной бесконечности, ранжированного бытия, норм поведения, расписанных до мелочей. В традиционном обществе человек фактически не обладает личностью и свободой, его бытие регламентировано, действия предопределены ролевыми обязанностями, время усечено, его течение во многом иллюзорно. С распространением же христианского сознания возникло новое прочтение бытия, раздвинулся горизонт истории, люди ощутили смысл в движении времени как возможности обновления себя и окружения.

В результате рождается новая концепция исторического процесса. У разделенного государственными, религиозными, этническими границами человечества появляется идея мироустройства как вселенского проекта: получив право на действие, люди начинают строительство *Universum Christianum*, понимаемого как универсальное пространство спасения. Единый христианский мир, поднимаясь над временными и суетными различиями, замещал сумятицу племен и государств. Теперь империя, как и Ойкумена, – по крайней мере, в теории – могла быть одна, пусть даже не охватывая собой весь мир.

Всё это вместе взятое определяет рамки исторической конструкции Средневековья как периода смещения футуризма и архаики, времени социального творчества и массовой индивидуации, пространства становления новой антропологии – христианского гуманизма, пытающегося отстоять онтологическое достоинство личности в условиях распада прежнего миропорядка. Взлет духа при этом уравнивался возросшей тяжестью земной жизни, а обретенное чувство равного достоинства людей – косностью сословной инерции общежития.

В мире первого миллениума новой эры общество, взрыхнувшее переселением народов, взбудораженное сутолокой и сумятицей европейского плавильного котла, организуется – прежде всего идеологическим образом. Стремительное безвременье «Темных веков» сокрушило и перемололо многие прежние опоры. Города распадаются или, обращенные в руины, сжимаются, трансформируясь в епархии, а роль системных центров, цивилизационных скреп обширных пространств – функцию прежних городов как административных центров политически организованного общества – частично принимают на себя монастыри, своего рода духовные «города и ограды».

Пространство города в смутные времена словно бы опрокидывается, жизнь из него уходит в сельские просторы, прежние виллы становятся растущими поселениями (память об этом сохранилась в названиях современных городов, которые имеют окончание -виль). Теперь уже на городских пустошах (вновь, как в седой древности) появляются своеобразные «усадыбы» – дворцы сеньоров, изредка навещавших город. Дух же возрождения городского ландшафта приходит со временем не из «административного центра» и не из сельской «глубинки», но от складов и верфей, ремесленных мастерских и торговых площадей комплементарного городка-терминала: эстафету истории принимает многоликий и динамичный *portus*.

У Средневековья два очень разных лица – это и взлет, и распад цивилизации. Но одновременно – ее экспансия. В Средние века парадоксальным образом смешались пробивавшее путь кардинальное обновление жизни и в то же время ее заметная архаизация из-за распада прежней цивилизации, сложившегося ранее миропорядка. Духовный порыв нередко оказывался в одной упряжке с очевидным упрощением не только материальной, но и интеллектуальной культуры, прямой утратой знаний. Отсюда – двоящийся (до сих пор!), крайне противоречивый облик этой эпохи. И всё же – то был грандиозный прорыв, новое прочтение мироустройства и целей исторического бытия.

Что и говорить, расхождение между идеалами и повседневностью было разительным, однако именно христианские идеалы стали тем магнитным полюсом притяжения и напряжения, который

воздействовал на окружающую реальность. Пронизывая своими энергиями структуры повседневности, он помогал преодолевать мерзости бытия, утверждая ценности новой европейской культуры. Обитатели *Universum Christianum*, совлекая, счесывая древнюю, потрескавшуюся кожу, ощущали свое родство с образом иного града – Небесного Иерусалима, – проникаясь идеей деятельного миростроительства, столь отличного от их прежнего образа жизни. С появлением свободной личности история одновременно исполнилась и расщепилась. В персональном прочтении, то есть судьбе, личность открыта для достижения предельного результата, а земное, соборное измерение бытия обретает собственный дальний горизонт, придающий смысл исполнению сроков, то есть пребыванию человечества в истории.

Глобализм теперь мыслится не как проект единой империи – механический реестр всего и вся, – а прежде всего как земная альфа и омега: вселенский по своей полноте, но индивидуальный по существу выбор. История же прочитывается не как вечное возвращение или дурная бесконечность, а как перманентно уникальная и потому непривычно живая, пульсирующая ситуация. В расширяющемся общении человечество само познает формы и творит сроки совокупной судьбы, а полноте икономии спасения противостоит не только прямой отказ от бремени свободы, но и ее апостасийная трактовка.

Следующий шаг истории – современность (*Modern World*), утверждающаяся приблизительно с середины второго тысячелетия.

Дорожная карта Нового времени: трансформация суверенитета

Существование нации есть непрерывный плебисцит.

Эрнест Ренан

В Европе постепенно распадались прежний, не особенно считавшийся с административно-политическими границами круг жизни. Исчезает имперский оппонент и близнец западноевропейской цивилизации, укрепляется мировосприятие, проникнутое духом обустройства бытия, непривычного ранее патриотизма. Вместе со стремлением к снятию феодальных препон и развитием рынка данное состояние общества ведет к появлению столь важного института современности, как суверенное национальное государство.

Дорожная карта Нового времени начинает отсчет маршрута от производительных городов-государств, коммунальных сообществ, проложивших путь от средоточия политических функций и экстенсивной торговли к расширенному воспроизводству мануфактур, городскому праву и муниципалитетам, соединенным провинциям и республиканскому общежитию. Небольшие по прежним меркам государства вступают в неизбежные при новом порядке вещей подвижные союзы и коалиции. Терминалы этого строя населены уже не имперским народом и не этносами, но гражданами, обладающими устойчивыми политическими и экономическими правами, формирующими коллективную субъектность гражданского общества. К этому времени в городах Европы сложилась также инфраструктура мира капитализма, выстраивающего собственный вселенский проект *Pax Oeconomica*. Символом обновления становится город производящий – город-предприятие, город-фабрика (технополис), демонстрирующий коды социальной динамики и расширенного воспроизводства.

Горожане-граждане формируют институты выборной власти (представительной демократии) – местную магистратуру/муниципалитет, – то есть избирают членов городского совета, депутатов (*deputatus* – посланный, заместитель) в парламент. С течением времени функции парламента менялись, в результате его прерогативой, помимо установления налогов и законодательных функций, стало также формирование кабинета министров (*minister* – слуга, служитель), отвечающих за различные сферы деятельности. Создаются юридические, судебские органы, в частности, парламент выступает порой в качестве суда высшей инстанции, основные же правовые положения закрепляются в конституции. Кстати, в ряде стран сам статус горожанина освобождал от феодально-ленных связей, отменяя в том числе крепостную зависимость. Возникают политические союзы городов, насчитывавшие порою десятки членов (Рейнский союз объединял свыше сотни городов).

Особая роль в гражданском обустройстве Европы принадлежит университетам и университетским корпорациям, обладавшим специальным правовым статусом, самоуправлением и экстерриториальностью, всему сообществу *noblesse derobe* (дворянству мантии).

Сумма подобных социально-политических молекул образует распределенную структуру – своего рода закваску национальных государств, – перенося логику и правовые основания собственной организации на прежнюю систему правления (отчасти сливаясь с ней) и на обширные пространства, соединенные «непрерывным плебисцитом».

Такова идеальная формула генезиса современного (национального) государства, то есть государства эпохи Модерна – политической формулы объединения общества. Процесс становления современного государства и политических наций прописан на карте Европы «от моря

до моря» и далее: от портовых городов-республик северной Италии до нижних земель Западной Европы, а затем через Англию/Великобританию нить истории протянулась к берегам другого континента, объявившего целью построение «гражданского политического общества» для созидания «более совершенного порядка».

Вектор истории прочертил хляби и веси европейского континента, преобразуя подданных в граждан, преодолевая и отвергая сословную организацию эпохи престолов и господств. От переходной, отягощенной олигархизмом городской культуры Северной Италии и морских республик-империй Венеции, Генуи, прочих италийских (Флоренция, Пиза, Гаэта, Амальфи, Сан-Марино) и иллирийских (республика Рагуза) городов-государств через Ломбардию к Швейцарской конфедерации – весьма эклектичной на тот момент по составу. А также сквозь ярмарочные пространства Шампани, Брабанта или торговые конгломераты городских союзов к удивительному государству, рожденному фактически первой республиканской революцией новой Европы – Республике Соединенных Провинций Нидерландов. И далее.

Новая эра утверждает права общества и личность самодеятельного гражданина в перманентной полемике с обстоятельствами.

Важнейший этап становления Нового мира – противостояние формирующегося организма, его пассионариев, движущих сил, элиты, всей ткущейся системы социальных связей прежнему порядку вещей. Наиболее ярко проявилось оно в организации власти, нараставшем столкновении позиций и практик. Какой тип властвования предпочтительнее: монархический или республиканский, автократичный или демократический, самодержавный или правовой? И какая структура общества возобладает: сословная или гражданская?

Так, Генеральные Штаты Соединенных Провинций 14 июня 1581 года приняли решение о «клятвенном отречении» от лояльности по отношению к Филиппу II Габсбургу. И 26 июля провозгласили, что король «не исполнял своих обязанностей в Нидерландах, поэтому больше не считается законным королем», следующим образом обосновав данный тезис: «Правитель Богом поставлен управлять людьми, защищая их от гнета и насилия, как пастырь оберегает овец своих. Но как Бог не создавал людей рабами правителя, подчиняющимися приказам, независимо праведны те или нет, так и правитель управляет ради подданных – иначе он не может быть правителем. <...> Когда же он ведет себя иначе – угнетает подданных, ища возможности нарушить древние обычаи и привилегии, требуя рабского себе подчинения, – тогда он не князь, но тиран, и подданные вправе счесть его таковым. В особенности, когда подобное творится преднамеренно <...> подданные могут не только отвергнуть его власть, но вправе приступить к выбору другого правителя с целью своей защиты». Так в государственном юридическом документе впервые декларировалось право народа на отвержение сюзерена-тирана.

Тема ответственности правителей перед подданными не была совершеннейшей новацией для европейского мира. Еще в XII веке Иоанн Солсберийский, соратник Томаса Беккета, высказывает мысль, что правитель должен уважать закон и справедливость. В противном же случае он превращается в тирана, а подданные получают право на сопротивление вплоть до убийства деспота. По знаменитой *Magna Carta* – Великой хартии вольностей, подписанной Иоанном Безземельным в 1215 году, – при нарушении ее статей королем подданные имели право начать против него войну.

Право на восстание было зафиксировано также в декларациях Эрмандады в 1285 и 1286 годах, согласно которым за дворянством и городами Кастилии, Леона, Галисии признавалось право на восстание против короля, «учиняющего акты произвола». Тогда же Фома Аквинский – столп теологии католицизма – писал: «Если право какого-либо сообщества простирается на то, чтобы выдвигать для себя царя, то будет справедливо, если выдвинутый этим сообществом царь будет низвергнут или его власть будет ограничена, если он тиранически злоупотребляет царской властью. Не следует считать, что такое сообщество несправедливо, даже несмотря на то что прежде оно возвысило его над собой навечно; ведь он сам заслужил это, ведя себя нечестно в управлении сообществом, поэтому договор с ним подданными не соблюдается».

Становление гражданского общества и правового государства (то есть такого, где основой порядка является не воля суверена-правителя, а закон), осознание ограничений, налагаемых обществом на верховную власть, смысл существования которой определяется как благо народа, формирование концепции естественных и неотчуждаемых личных прав граждан – всё это запечатлено в событиях XVII века. Это «долгая» Английская революция, включающая в себя гражданскую войну, казнь короля, провозглашение Английской республики, введение Протектората, реставрацию династии, Славную революцию – кризис власти длиною почти в полвека, который завершился в 1688-1689 годах установлением конституционной монархии. Новая государственность была уже ограничена в своих действиях рядом актов, включая

знаменитый *Habeas Corpus*, принятый парламентом в 1679 году, и «Билль о правах» 1689 года, декларировавший права и свободы подданных.

Об основах и границах государственной власти размышляли в тот период Томас Гоббс, Джон Локк, Дэвид Юм, Джеймс Харрингтон. Обоюдострое право на революцию, право народа «судить о том, имеется ли у него достаточный повод обратиться к небесам» и прибегнуть к насилию «против несправедливой и незаконной силы» (Джон Локк), рассматривалось как исключительная компетенция политической нации. Смысл революционного акта – ограничение худших последствий дезорганизации общества («убийства правосудия») в ситуации властного безумия или «мятежа тирана». То есть революция по сути является «правом необходимой самообороны».

Теперь уже государство – а не государь – выступает в качестве политического суверена, однако решающая роль в становлении социума, легализовавшего понятие гражданского общества и ставшего легитимным источником власти, принадлежит Американской и Великой французской революциям.

Право на восстание при определенных обстоятельствах признается в государственных юридических актах не только правом, но и обязанностью граждан. Иначе говоря, из сферы морального выбора оно переходит в регистр гражданского долга. Так, в Декларации независимости США (4 июля 1776 года) содержится следующий пассаж: «Если длинный ряд злоупотреблений и узурпаций <...> обнаруживает намерение предать народ во власть неограниченного деспотизма, то народ не только имеет право, но и обязан свергнуть такое правительство». А во французской Декларации прав человека и гражданина (образца 1793 года) было записано: «Когда правительство нарушает права народа, восстание для народа и для каждой его части есть священнейшее право и неотложнейшая обязанность».

Третье сословие буржуа, горожан создает среду для левых идеологий, утверждая революцию, а не войну в качестве доминантного инструмента эпохи.

XX век: продвижение к Новому миру

Кубок победителя достанется тому, кто стартовал в правильном направлении, даже если он бежал намного медленнее тебя.

Янош Деметр

Новая эра утверждает права общества и личность гражданина в перманентной полемике с обстоятельствами. Экспансия христианской цивилизации, сопровождаемая евангелизацией и колонизацией, распространяется на окружающие пространства, переходя на другие континенты, охватив практически всю планету.

Развитие мыслительного и технического инструментария обеспечивало промышленную революцию, подогревавшуюся инженерным энтузиазмом, а «восстание масс» открыло шлюзы этатизации – главной политической технологии прошлого века, что вкупе с уровнем техносферы, производившей изощренные механизмы (кратно усилившие возможности человека), сформировало облик позднего индустриализма. Частичная стерилизация картины мира, заложенная в секулярном концепте, и реванш линейной логики – в сравнении с нелинейностью ментальных схем Средневековья – влекли многообразные следствия.

Обществу, сложившемуся к началу прошлого века, были свойственны активное технологическое конструирование, интенсивное производство, взгляд на государство как на политическую машину («аппарат»), на войны как на форму индустриальной деятельности. И – парадоксальным образом по отношению к основам данной цивилизации – на личность как на «машинного человека» (*Maschinenmensch*). Либо несколько иначе – как на «винтик». Получила развитие социальная инженерия, сформировался новый класс – номенклатура – своего рода страта политических инженеров («аппаратчиков») эпохи индустриальной цивилизации.

В XX столетии континентальные и морские (колониальные) империи окончательно уступают место национальным государствам. А поиск золотой формулы грядущего миропорядка ведется на протяжении всего столетия.

Яркий пример – футуристичная миропроектность Коминтерна. Вспомним строки из манифеста Третьего Интернационала, где провозглашалось: «Национальное государство, давшее мощный толчок капиталистическому развитию, стало слишком тесным для развития производительных сил. <...> Пролетарская революция <...> освободит производительные силы всех стран из тисков замкнутых национальных государств, объединив народы в теснейшем хозяйственном сотрудничестве на основе общего хозяйственного плана».

Схожая тенденция прослеживалась в замысле образованной в том же году Лиги Наций – прообразе будущих мировых регуляторов. В числе других проблем она занималась вопросами госстроительства на обезличенных постимперских пространствах, прочертив границы новых государств, распоряжаясь судьбами народов, обладая подмандатными территориями.

Своя версия «нового общественного порядка» содержалась в идеях и практике итальянского корпоративизма (фашизма), а также в мрачной эскизности его германского варианта.

Послевоенная история – время интенсивной социальной и политической трансформации, включавшей десеграцию, деколонизацию, контркультурную революцию, обрушение властей и режимов: от «революции гвоздик» до «бархатных революций» в Восточной Европе, от распада СССР до «цветных революций», провозглашающих целью приведение реальности в соответствие с конституционными декларациями.

Элементы нового мирового порядка виделись в биполярной системе великих держав, в массовой деколонизации и становлении третьего мира, в формировании глобального рынка. А еще раньше – в комплексной конструкции Организации Объединенных Наций, инкорпорировавшей к тому же несколько десятков ассоциированных и аффилированных международных организаций, в том числе достаточно влиятельных и автономных. И в существенных изменениях прописей международного права, связанных с делегированием сообществом национальных государств некоторых властных полномочий Совету Безопасности ООН, включая право при определенных обстоятельствах на применение вооруженной силы против суверенных государств.

Дальнейшая судьба феномена мировых регулирующих органов связана с появлением «Большой шестерки/семерки/восьмерки». И с генезисом таких своеобразных регулирующих организмов, как «мировая господствующая держава» (по выражению Колина Пауэлла в бытность его государственным секретарем США) или «новый орган всемирно-политической власти» (Збигнев Бжезинский).

Наряду с феноменом мировых регуляторов отмечу такое явление, как политические интегрии, или страны-системы. В одной из ипостасей это те же Соединенные Штаты – федерация государств Америки, чья административно-политическая граница к тому же не совпадает с границами «национальной безопасности» и «зон жизненных интересов». В наиболее же явном виде – это Европейский союз, особенно родившееся в его лоне «государство Шенген».

В иной версии миростроительства – это постимперские конгломераты, не прошедшие через дивергенцию национальной государственности. Большой Китай – страна с национальными автономиями и языковым разнообразием, интегрирующая симбиотические структуры Гонконга и Макао, а в перспективе – другие территории, к которым имеет прямое и косвенное отношение. Или такое полиэтничное сообщество штатов, как Индия. Потенциально это также аморфное постсоветское пространство, которое на останках структурности СНГ могло бы породить политическую систему как связанную с Россией, так и независимую от нее.

По мере приближения конца века трещины в основаниях мироустройства становились очевидными.

Рушатся классовые, расовые, этнические, национальные перегородки, но параллельно возникают новые. Коллективные несогласия замещаются индивидуальными разночтениями, совершается универсальный культурный переворот. Выход на арену третьего мира, затем глобализация и сопутствующая ей трансграничность ведут к слому цивилизационного стандарта, вселенской мультикультурности, тесному сосуществованию, взаимопроникновению аксиологически и теологически разнородных миров. Совмещение традиционалистских инклюзий с ареалами позднего индустриализма и подвижной реальностью постсовременности подчеркивает кентавричность комплексного сообщества.

Возникают влиятельные транс- и парагосударственные образования, утверждаются альтернативные конфигурации международных связей, при этом государственность сохраняется, но обретает новые формы воплощения – так же, как несколько веков назад политической новацией было само национальное государство.

При моделировании актуального миропорядка обнаруживается ряд оригинальных слоев социополитического текста. Происходит диверсификация суверенитета в форме как мирной дефедерализации (СССР, Чехословакия), так и военных действий, в том числе ведущих к образованию суверенных государств (Бангладеш, Эритрея, новые балканские государства). Энергетика субсидиарной «денационализации» ощутима в Северной Ирландии, Шотландии, Басконии, Каталонии, Корсике, Фландрии, Квебеке, других регионах. А также в генезисе непризнанной государственности (Северный Кипр, Карабах, Приднестровье и др.), в венчурных формах частичной легитимации (Палестинская Автономия, Косово и др.), в поиске способов адаптации к мировому сообществу (Абхазия, Южная Осетия).

Специфическая этническая либо «национально-освободительная» государственность проявляется в Африке во многом как следствие искусственно прочерченных границ в виде этноконфессиональных (Дарфур), трайбалистских (ареал Великих африканских озер), демодернизированных (территория Сомали) образований. Можно также вспомнить эксперимент по строительству бантустанов в ЮАР. Либо опыт повстанческих, криминальных и полукриминальных

латиноамериканских «республик сельвы». Или историю разнообразных несостоявшихся, непризнанных, обанкротившихся государств, мятежных автономий (северо-восток Маньямы), парapolитических конструкций «золотых земель», лоскутных образований – от квазигосударственности каренов и монов в Юго-Восточной Азии до зоны племен на афгано-пакистанской границе.

В футуристично прочитанную субсидиарность вовлекаются не только регионы, автономии, мегаполисы, но и разного рода амбициозные корпорации, обладающие трансэкономическим и трансграничным целеполаганием. Черты грядущего строя можно различить в глокализации метаполисного (основанного на гравитации хабов) ландшафта, космополитичном мультигражданстве, растворении гражданского (то есть «городского», «национального») общества в мультикультурной трансграничной среде, становлении постгородского, деэтицизирующегося и отчасти виртуального универсума.

В постиндустриальном тексте прописываются позиции критического, интеллектуального, креативного класса, происходит революция элит. Глобализация, проявляющаяся как космополитизм и подвижная транспарентность, размывает очертания прежней картины мира, становясь лоном иной организации человечества с новыми доминантными группами и оригинальной механикой управления.

Гражданское общество – органичная часть культуры национального государства, но поздний индустриализм, породив массовое общество, снизил его политическую упругость. Происходит приватизация управленческих функций элитой и одновременно продвижение к непосредственной (прямой), асимметричной кратии пассионарностей, ориентированной скорее на социальное, нежели политическое, глокальное, а не национальное пространство. В самом же обществе нарастает бешенство превращений, ведется борьба за право на индивидуальность, самовыражение, индивидуальный суверенитет. Логический предел процесса – суверенность по формуле: «Государство – это я». Человек-предприятие (*manterpriser*) институализируется как аутосуверен, следуя формуле: «Нет общества, есть только индивиды и их деятельные проекции». Сообщество новых персонажей совокупно трансформирует среду международных отношений национальных государств (*inter-national relations*), гомогенность которой размывается, а правовые регуляции меняются под воздействием обстоятельств и политического веса агентов перемен, прагматично ранжируемых в соответствии с уровнем оказываемого ими влияния на состояние мировой среды (*intra-global relations*).

Контурсы нового миропорядка

Время в своем движении тоже сталкивается с препятствиями и терпит аварии, а потому осколок времени вполне может затеряться в какой-нибудь кладовой.

Габриэль Гарсиа Маркес

Девальвация представлений о национальном государстве или сообществе национальных государств как исключительных обладателях суверенитета отражается на стратегиях госстроительства, транснационального сотрудничества, формате международных связей и организаций.

Пример транзита категории «суверенитет» от верховенства и независимости государственной власти – динамика статуса меньшинств. Вплоть до признания их права не только на равноправие, культурную автономию, гражданское сопротивление, но также права на призыв в исключительных случаях к гуманитарной интервенции. Иначе говоря, массовые нарушения прав и свобод человека, равно как этнической, конфессиональной, расовой группы, признается международной, а не исключительно внутригосударственной проблемой, предполагая возможность соразмерного обстоятельствам принуждения к миру, альтернативой чему в свое время стали трагедии Камбоджи и Руанды.

Универсальная политическая революция сопрягается со сдвигами в юридическо-правовой сфере, теории и практике международных судебных органов, что по-своему свидетельствует о транзите. Приоритет международного права над национальным сам по себе свидетельствует об изменении статуса национального суверенитета. Еще один интригующий процесс – приватизация суверенитета, а также форм и способов его трансляции.

Подведем предварительные итоги. Число национальных государств и разного рода квазигосударств превысило на сегодняшний день две сотни. В пестром конгломерате можно встретить чрезвычайно разные образования: полуторамиллиардный Китай и население островного атолла, отколовшуюся мятежную провинцию и этнос, сражающийся за обретение суверенного очага. Кроме того, субъекты мировых связей демонстрируют тенденцию к преодолению формата национального государства, стандартного понимания суверенитета, продуцируя политконструкты, подчас выходящее за рамки «классической» национальной государственности. Во второй половине прошлого века «ограниченный суверенитет» в Европе воплотился, к примеру, в

диапазоне от политической реальности стран Варшавского договора до прецедента Косова. Иной пример трансгосударственного транзита – страна-система ЕС, демонстрирующая возрастание властных полномочий Совета ЕС в сравнении с суверенностью отдельных членов (промежуточный результат процесса был конституирован в виде Лиссабонского договора 2007 года).

Это, как и многое другое, требует обновления политологических прописей. Но еще важнее – обнаружение, описание и классификация новых полевых игроков на глобальной арене.

Это модификации, то есть формы адаптации к меняющимся условиям национальной государственности, перераспределяющей полномочия сразу по трем векторам – глобальному, конфедеративному, субсидиарному.

Дополнительное усложнение дизайна – изменение логики мировых связей. И соответственно – обновление базового протокола картографирования, когда в качестве субъектов актуальной реальности рассматриваются геоэкономические комплексы.

Другая непростая задача – отражение в модели мироустройства феномена государств-корпораций, перестраивающих политическую жизнь по меркам корпоративного управления, и корпораций-государств – влиятельных протосуверенов, объединяющих экономические функции с политическими амбициями.

На планете появляются также экзотичные антропо-социальные акторы (корпорации влиятельных персонажей), так называемые облачные структуры, политики с неопределенной правосубъектностью, обладающие либо претендующие на обладание своеобразным квазисуверенитетом, ослабленным суверенитетом либо суверенитетом *de facto*, все увереннее действующие в антиномийных слоях расширяющегося социокосмоса.

Ситуацию усложняет особенность глобальной конструкции: синкретичное сосуществование старых и новых акторов в динамичной среде. При этом приходится анализировать не только актуальную феноменологию, но также связи и взаимодействия, которые возникают или еще только могут возникнуть между разнородными персонажами мироустроительной драмы. Все эти политики, будучи объединены пространством мировой практики, разделены, однако, степенью успеха в освоении нормативов суверенного персонажа и фактическом признании таковым со стороны мирового сообщества.

***

Императив комплексной ревизии картографии мирового политического пространства – отражение грандиозности его нынешней реконструкции.

В транзитной среде XXI века радикально меняется также сама основа цивилизации в ее привычном прочтении – городское пространство. Город расплывается и расплзается по планете, превращаясь в эклектичный коллаж трансграничного метаполиса.

Одновременно умножается феноменология дезурбанизации: возникают элитные загородные поселения, внутригородские замки, автономные кварталы, фавелы и бидонвили, по-своему напоминающие о потускневших декорациях *global village*, образуя планетарный архипелаг квазидеревень – трущобы Глубокого Юга. Уже сам выбор термина *global village* на семантическом уровне фиксирует ощущение конца цивилизации, по крайней мере, в ее прежнем понимании (ср.: *civil*). Вилдджизация существует вне символической городской черты – это заметно иное прочтение исторического текста, возможно, сумерки постцивилизации, но, быть может, склоненная глава земного града перед наследником – анонимным до поры персонажем истории.

Цивилизация – форма существования культур, привычно ассоциируемая с урбанистической стадией развития. Культуры, образно говоря, представляют характер исторического индивида, цивилизация же соответствует фазам его развития, «возрастам», но не всем, а преимущественно тем, которые ассоциируются с достижением и удержанием зрелости. Культуры, как и личности, уникальны, представляя мировоззренческие коды, специфика которых сохраняется сквозь столетия, усложняясь или уплощаясь. Стадии роста – «детство», «юность», «зрелость» – универсальны, хотя не все исторические организмы проходят все ступени, порою сходя с дистанции до времени.

На эмпирическом уровне со времен великих империй известны непростые состояния культур – их постцивилизационные состояния. Сценарная футурология интересуется этим вопросом, отвечая на него – со времен пророка Даниила до близкого нам по историческим меркам пессимизма «Машины времени» Уэллса – отнюдь не в логике социального прогресса. Кстати, в апокалиптических картинах с их красочными образами антропологической катастрофы и постчеловеческого мира современников в сущности поражает/увлекает не столько логика алармизма, сколько выплеснутое из глубин подсознания обилие «горючей воды и человеческой крови».

Город-фабрика, город-предприятие, умирая, переживает родовые схватки. Словно гусеница, становящаяся бабочкой, он преобразуется в летучий остров Новой Лапутании – динамичную метакорпорацию, объединяющую рассеянных по миру сотрудников. Эти космополитичные модули

Нового мира соединяют миллионы активных людей, но уже не общей территорией, а контрактом, рабочим пространством, средствами телекоммуникации, гипергеометрией организации, ее деятельной средой. Новый мир создает собственный глобальный проект – дизайн универсально открытого общества, в сетевых глубинах которого растворяется прежняя среда обитания, смешиваются актуальное и иллюзорное, рождая многомерное пространство полностью разделенных рисков.

На распахнувшихся просторах обустраивается эфирная конструкция Глобального Града как области взаимодействия глобальных племен, международных организаций, элитных клубов, ТНК, сообществ былых метрополисов, обращаемых в терминалы единого метаполиса, криминальных консорциумов, субкультур. Обитатели и странники космополитичного трансформера связаны между собой подчас более крепкими узами, нежели с населением собственных стран. Бывшая же высотная граница эпохи Модерна превращается в комплементарный *portus* «истинного града» – транснационального сообщества, не имеющего единой обители и пребывающего за пределами земных горизонтов: пространство власти без государства и государства без территории.

Среда обитания человека размывается, становясь безбрежной, многовариантной, незнакомой. Новая просторность таит обретения, власть, богатства, приключения, а пионеры виртуальной реальности, как и в эпоху до географических открытий, лишены достоверных карт, надежных маршрутов. Иллюзии и вымыслы, мифы и тайное знание сплетаются с обыденностью, нередко сам факт того или иного события оказывается небесспорен. Совершенная коммуникация разносит аранжировки мелодии гамельнского крысолова, а городской ландшафт конвертируется в многоликий интерьер, уводя жизнь с улиц в бескрайность электронных миров. Обобщенный символ этой призрачной версии Глобального Града – Всемирная Паутина.

И тут занавес исторического действия в привычном для последних двух тысячелетий смысле опускается. Обещанный «конец истории» предстает в виде разбегающихся троп бесконечности и безвременья вселенского лабиринта.

Сложноподчиненная конструкция Мирового Севера и Мирового Юга может быть, впрочем, истолкована как полупародийное переосмысление дихотомии Страшного суда – да и всего корпуса христианской эсхатологии. В то же время миллионы людей связывают именно эти события с приближением «нового неба и новой земли» (Откр. 21:1) постисторического бытия, символизируемого образом принципиально иного, возникающего из сердцевины истории универсального града – Горнего Иерусалима.

Ночь истории, что тенью соприсутствует на протяжении всех дней творения человеком своего мира, – как изнанка свободы, как шанс на возрождение первобытного хаоса, – ощутив исполнение сроков, кажется, способна повернуть социальное время вспять, к пещерной архаике протоистории. В гипотетическом Мире Распада структура Мирского Града, пройдя последнюю стадию разложения былых мегаполисов и фрагментацию бидонвилей, скрывается в психоделическом лабиринте мирового андеграунда, на пути к некрополю, погружаясь в дурную бесконечность немой ахронии.

Смутно различимый и предчувствуемый в этом лабиринте Пандемониум – тоже своего рода город, имеющий, наверное, причудливую архитектуру. Но... «здесь страх не должен подавать совета».

Разбитые окна

Глобализация и постглобализация: человечество переживает кризис социокосмоса

Александр Иванович Неклесса

руководитель Группы «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия»

Одним из первых шагов к обновлению миропорядка стали советско-американские переговоры 1967 года на высшем уровне. Президент США Линдон Джонсон (справа) и председатель Совета министров СССР Алексей Косыгин на встрече в Гласборо. Фото из Библиотеки им. Линдона Б. Джонсона

Если бы Бог жил на земле, Ему побили бы окна.

Пословица

Теория разбитых окон гласит: если кто-то разбил стекло в доме и никто не вставил новое, то вскоре ни одного целого окна в доме не останется. А потом начнется мародерство.

Новое мироустройство

Мы должны быть открытыми перед возможностью усиливать и эксплуатировать критичность, если это соответствует национальным интересам, – например, при уничтожении иракской военной машины и саддамовского государства. Здесь наш национальный интерес приоритетнее международной стабильности. В действительности, сознаем это или нет, мы уже предпринимаем меры для усиления хаоса, когда содействуем демократии, рыночным реформам, когда развиваем средства массовой информации через частный сектор.

Стивен Манн

Наше время – время транзита, как в России, так и за ее пределами.

Ялтинский (1945) / неоялтинский (1992) миропорядок, установивший границы влияния, правила силовых игр и расчертивший Европу на геополитические зоны, взломан, сломан и уходит в прошлое. В динамичной, многолюдной, многоэтажной вселенной складывается стандарт знания и действия, основанный на восприятии ее как перманентно транзитной реальности. Это, конечно, непривычный взгляд на окружающий мир. Отсюда императив серьезного обновления методов политической акции и социального очарования.

Изменение взгляда на социокосмос напоминает ревизию представлений о мире физическом, произошедшую на заре прошлого столетия под влиянием теории относительности и постулатов квантовой физики. Антропологическая галактика перестает восприниматься как шахматная доска, где одна сбалансированная комбинация состязается с другой, следуя неизменным правилам игры. Достижение длительного равновесия представляется все более сомнительным: планетарное сообщество напоминает перегретый водяной котел, подняв крышку которого видишь диффузный мир – подвижный, многочисленный, склонный к турбулентности.

Распространенные представления о состоянии социосферы – в большинстве случаев редукция актуального положения вещей (ср.: «понять – значит упростить»), а попытки прогнозирования по футурологическим лекалам уязвимы и малоэффективны. Человек расстается с идеалом машины и отворачивается от механической формулы совершенства. Глобальное сообщество демонстрирует черты сверхсложной системы – такой как погода, жизнь мозга или финансы: бытие сопряжено с риском предельных состояний и вероятностью обвальных следствий. Именно поэтому в политанализ все чаще проникают концепты хаососложности, диссипативных структур, высокоадаптивных систем как наиболее адекватные складывающемуся мироустройству.

Одно из ключевых свойств нынешней эволюции – нелинейность антропологического космоса, когда итог событий плохо предсказуем, равно как точные характеристики перемен, поскольку лавинообразные следствия в сложном мире может вызывать небольшое изменение параметров. В результате субъекты действия не просто умножаются в числе, но обретают иной ранг. Причем эффект акции в «предприятии на полном ходу» (Герберт Уэллс) зависит не столько от суммы усилий, сколько от удачной позиции, точности, уместности и своевременности действия. Иными словами, от когерентности потоку перемен: совпадения с силовыми линиями многоуровневой системы, фокусируемой и форсируемой идеологическими, психологическими, культурными, мировоззренческими, метафизическими аттракторами.

Это если действовать изнутри системы, а не за счет распределенного множества контрагентов или посредством собственного аттрактора.

Изменение ментальности существенно влияет на прописи практики. Дисциплинарное, формальное (то есть отчуждаемое) знание дополняется и замещается знанием трансдисциплинарным, персонализированным, умениями, сноровкой, не отчуждаемыми от субъекта действиями или искусствами.

Новый шаблон – тетраметрица знания – описывает четыре состояния:

- рациональное и отчуждаемое от создателя: формальное, дисциплинарное знание, наука;
- рациональное и неотчуждаемое: мастерство как персональное искусство оценки явлений и обстоятельств, экспертиза;
- нерациональное и отчуждаемое: объекты творчества, художественные артефакты;
- нерациональное и неотчуждаемое, манифестацией чего является субъект сам по себе.

Логика постсовременности не вполне совпадает с ментальностью современного человека, что, однако, не влечет отказа от рациональности. Явления микромира тоже смущают сознание, но теория квантовой механики вполне рациональна. Смысловой кризис и расхождения в аксиологии ведут к серьезным изменениям в моделях мышления/поведения и формулированию начал новой рациональности.

От фабрик мысли к интеллектуальным корпорациям

Наука не способна создавать цели. Еще менее – воспитывать их в человеке. В лучшем случае наука может предоставить средства к достижению определенных целей. Но сами цели порождаются людьми с высокими этическими идеалами. И если эти цели не мертворожденные, а обладают жизненной силой, их принимают и осуществляют те массы людей, которые полусознательно определяют медленную эволюцию общества.

Альберт Эйнштейн

Фабрики мысли (think tanks) – феноменология научных институтов, реализованная в прошлом столетии.

В XX веке происходит индустриализация науки, развитие прикладного, технологического ее аспекта. Складывается феномен технонауки, который распространяется в практике, обосновывается теоретически и получает статусное закрепление.

Возникает значимый научно-инженерный корпус и новый тип исследовательского заведения: военно-промышленная лаборатория (в России – КБ, «шарашки», закрытые города), продемонстрировавшая эффективность и социальный потенциал. В США процесс протекал в русле проектного подхода, примеры тому – «Манхэттенский проект», впоследствии – проект «Аполлон»; в России таким стержнем был атомно-космический проект, а социальной ипостасью – система «Академия наук», затем футуристичный замысел «академических городков».

Фабрики мысли, работающие в сфере активного представления нефизических систем и структур, – американское достижение: к рубежу 60–70-х годов интеллектуальные предприятия в США исчислялись сотнями. В проектно-аналитической работе использовался опыт крупномасштабных боевых/логистических операций, осуществленных на глобальном театре военных действий. Исследовательская активность в той или иной мере была связана с национальной безопасностью, планированием внешней и внутренней политики, общественным мнением, деятельностью вооруженных сил, организацией бизнеса, социальными и региональными инициативами, ситуационным анализом и прогнозом, критическими технологиями.

Параллельно с развитием интеллектуальных предприятий отчасти деградирует принцип публичности обретаемого знания. Научные исследования, аналитическая работа нередко сопряжены с коммерческой тайной и национальной безопасностью. Политическая и военная аналитика, как и венчурные разработки корпораций, тяготеют к секретности, специфическому неозотеризму, порой – прямому сокрытию достижений и даже направлений исследований.

Интеллект прагматизируется и капитализируется. В соответствии с заново прочитанными заветами неокантианцев философия преобразуется в методологию, знание – в технологию и товар. Мир движется от вещи к знаку, от семантики к цифровому измерению. Лидирует не теория, но проект, не наука, но аналитика. Исследуется не реальность *per se*, а ее практическая аппликация, о «реальности вообще» – мы рассуждаем, дискурсируем.

Кроме того, создается характерный субпродукт – симулякр как виртуальная личина социального знания. Путем деформации образа реальности, асимметричной обработки данных – гипертрофии одних составляющих и подавления других – формируется инструментальная система мифов и стереотипов. Тем, кто жил при советской власти, наличие подобных тенденций нетрудно почувствовать и понять.

В известной мере фабрики мысли, породившие отрасль интеллектуальных корпораций, есть властный дискурс интеллектуального класса: механизм формулирования и утверждения его идей. Аналитические предприятия, занимаясь социогуманитарной проблематикой, сливаются с инфраструктурой влиятельных советов и закрытых клубов, чья предметная область – сдвиги в организации послевоенного мироустройства, геоэкономическое проектирование, моделирование мировых контролирующих, регулирующих, исполнительных органов в политической, экономической, финансовой, культурной областях.

Карибский кризис привел к переосмыслению характера глобальных угроз. Рост арсеналов ядерного оружия в условиях биполярного противостояния поставил на повестку дня контроль над оружием массового уничтожения и перестройку мирового порядка. Обсуждение проблемы проходило во влиятельном Совете по международным отношениям (CFR), а первые практические шаги сделал президент США Линдон Джонсон, заявивший осенью 1966 года о намерении приложить усилия к долгосрочному укреплению взаимосвязей – строительству моста между Западом и Востоком. Фактически это было инициацией политики разрядки.

Вскоре последовали поездка Макджорджа Банди, советника президента США, по пяти европейским странам, включая СССР, и встреча Линдона Джонсона с советским премьером Алексеем Косыгиным (большей частью с глазу на глаз) летом 1967 года на полпути между Нью-Йорком и Вашингтоном – в местечке Гласборо. Тем самым был иницирован долгосрочный переговорный процесс по разрядке международной напряженности, ограничению и сокращению стратегических вооружений, выстраиванию инфраструктуры взаимоотношений между двумя странами. Следующая, но так и не состоявшаяся встреча намечалась на август 1968 года. Тем не менее процесс перестройки миропорядка был запущен.

Были созданы переговорные площадки, учреждены международные и национальные организации, занятые глобальной пасификацией, намечены контуры систем регионального и глобального контроля. А также основаны неправительственные институты (Международный институт системного анализа, Римский клуб, Институт перспективных исследований), в которых велась концептуальная разведка мировой динамики, исследовалась глобальная проблематика, развивался междисциплинарный подход с акцентом на активное представление будущего, что, конечно, влияло на механику новейшей истории.

Соединенные разделенные миры

Глядя на сломанный мост, кто-то думает о смерти, а кто-то – о том, как его перейти.

Аркадий Райкин

Междисциплинарное знание и транснациональное мироустройство имеют между собой нечто общее.

К 60–70-м годам прошлого века накопился опыт работы над крупномасштабными, долгосрочными замыслами, политическими, экономическими, военными, космическими проектами, связанными, в частности, с пространственным развитием. Представление будущего мироустройства обретало форму плановой задачи, сформулированной в соответствии с общей теорией систем, но реализовывалось оно также в рамках иных подходов. Что, в свою очередь, вело к усложнению профессиональной рефлексии, ощутившей вкус междисциплинарности, долгосрочности, масштабности глобального гештальта. И заодно способствовало утверждению нормативного прогнозирования, при котором определяется желаемый облик будущего, а затем осуществляется целенаправленное, пошаговое сближение с ним. Кстати, для России/СССР идея нормативного прогнозирования была вполне привычна, являлась обычной практикой как в форме генеральной установки на строительство нового общества, так и промежуточных ее этапов: пятилетних планов. Нормативный подход, в свою очередь, ведет к изменению взгляда на будущее, которое рассматривается как последовательность возникающих проблем, а задача прогнозирования видится в их опознании и поиску путей разрешения.

Интерес к теме деятельного прогнозирования становился все заметнее: в 60-е годы Организация экономического сотрудничества и развития провела исследование вопроса, а Белый дом и Совет по международным отношениям иницировали серию дискуссий по дальней границе американской и мировой истории. Тогда же Збигнев Бжезинский формулирует тезис о стратегической цели Запада: создании системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов, базирующейся на принципах трансформации политической культуры в направлении господства элиты; формировании региональной и наднациональной власти путем сплочения развитых стран; образовании сообщества ведущих государств мира.

В 1973 году создается Трехсторонняя комиссия, объединившая влиятельных персон и ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии. В июле того же года в Хельсинки открывается Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе; его заключительный акт был подписан спустя два года. И тогда же, в 1975 году, возникает новый мировой регулирующий орган – G7 (на тот момент G6).

Последовали прогностические доклады Римскому клубу, включая знаменитые «Пределы роста», разработка и применение Международным валютным фондом и Всемирным банком программ структурной адаптации и финансовой стабилизации, сыгравших на пороге 80-х заметную роль в разрешении банковского кризиса и регулировании финансово-экономической практики в развивающихся странах. Были заключены соглашения сначала по контролю, а затем ограничению стратегических и ядерных вооружений.

Драматичные события конца столетия отразили кризис социокосмоса, а крах СССР знаменовал финал прежней формулы биполярного мироустройства. Поражение коммунистической программы предопределило дебаты о глобальной революции, о конце истории как торжество североатлантического мира, гражданского общества, институтов демократии, либеральных идей. Тем временем в глобальном казино стало ощутимым присутствие новых игроков: Китая, совокупности исламских стран и сообществ. Реабилитированная история обретала затейливую маршрутизацию...

Глобализация – продукт давних представлений и утопий, но также – генератор высоких политических технологий, институций будущего, нового типа личности. Мондиализм имеет глубокие корни, однако с умножением субъектов действия расширяются и зоны конфликтности, стартует новая регионализация, усиливается конкуренция национальных и транснациональных организмов, корпоративных предприятий, слабо формализованных облачных структур – все это симптомы полифонического общества, инкорпорирующего энергии динамического хаоса.

Параллельно с унификацией мироустройства происходит расслоение жителей Земли по геоэкономическим ареалам и социальным этажам. На планете умножаются элементы постсовременного декора, но и реалии эпохи модернити соприсутствуют на исторических подмостках. Признаки диахронного конфликта наблюдаются как в новообразованных, так и в порожденных еще эпохой Просвещения институтах. Форсаж переустройства, рост ставок в глобальном казино, метастазы мирового андеграунда – отзвуки родовых мук беспокойного зона, не слишком соответствующего большинству футурологических прогнозов.

Духи постсовременности и неоархаизации, соприсутствуя «в одном флаконе», иницируют разные цивилизационные программы. Продвигаясь по трещинам миропорядка, человечество предчувствует Большой социальный взрыв, способный расколоть планету людей, произвести поток астероидных вестников рассредоточенной, мультивекторной эрозии. Триггером вселенского цунами может стать серьезное потрясение обретенного за послевоенный период равновесия: террористическая акция с применением средств массового поражения, удар цивилизации с использованием ядерных устройств, военные действия между гарантами глобальной безопасности, острый кризис финансовой системы, универсальная пандемия...

Растет список исследований, в которых анализируется трансгрессия цивилизации, толкуются изменения в политэкономическом, правовом устройстве, предлагаются концепты и рецепты, способные, по мнению авторов, интегрировать расфокусированное прогностическое зрение, прояснив маршрут истории. В сфере внимания не только трансформация властных либо экономических механизмов, но и перемены в социальных связях, генезис экзотичных популяций, повестка элитных групп, их иерархия, конфигурации.

Наряду с вниманием к феноменологии жизни на краю хаоса и альтернативным сценариям общежития нас интересуют пути преодоления кризиса ментальности, инновационная методология познания/действия в беспокойных землях: что делать при избытке рисков в мирах с изменяемой геометрией и несовпадающей скоростью социального времени? Речь идет также о высоких гуманитарных/социальных технологиях, основанных на новой рациональности, на творческой реконструкции, синергичном мышлении, потоковых моделях социума.

Генезис, статус, прогноз перемен связаны с судьбой институтов и персонажей, которые создают новый инструментарий, причем ответственность за результат, затруднительная в институциональных категориях, переходит на уровень конкретной личности, принимающей решение.

Востребованной оказалась и культурно-метафизическая основа практики: мыслительная/мировоззренческая позиция, позволяющая противостоять шоку перемен, мультикультурной эклектике, моральной дезориентации, интеллектуальной оторопи. Позиция, заняв которую можно пытаться преодолеть нищету растерянного сознания, постигая социальные горизонты и интеллектуальную high frontier.

Закаты и зори цивилизации. На возврате к традиции.

Два эссе

Григорий Соломонович Померанц,

известный российский писатель, философ, культуролог, правозащитник. 1918-2013)

Когда Петр прорубил окно в Европу, это изменило не только Московскую Русь; Русь вышла из тупика истории, в котором оказалась после краха Византии, и стала Российской империей, великой европейской державой. Но изменилась и Европа. Европа (как культура, а не континент) складывалась из обломков Западной Римской империи, ассимилированных вторгшимися племенами, и постепенно формировалась как система наций, опекаемых римской курией. Сперва она жила в старых границах, созданных античностью, и вторжение Руси в это западнохристианское пространство было принято неохотно и недоверчиво. Тем не менее оно прижилось. И начиная с России, продолжалась в Америке и на других континентах; и Европа расплылась в Запад, противостоящий миру ислама, индуистско-буддийскому миру и миру конфуцианско-буддийскому.

Первенство ее казалось очевидным в XIX в., но оно не состоялось, и сегодня она только партнер в глобальном диалоге. Более того, начиная с терпимости, победившей на рубеже XVIII–XIX вв., Европа теряла свою христианскую окраску, и недавно фрау Меркель поздравила «голубую пару» с ее официальным бракосочетанием.

Освальд Шпенглер был прав, назвав свою книгу «*Untergang des Abendlandes*», и русские переводчики напрасно подправили его, ограничив упадок словами «Закат Европы» (то есть исключая из упадка Соединенные Штаты). Дальнейшие события, начиная с биржевого краха 1929 г. и кончая физическим вымиранием белой расы, показали, что упадок поставил под вопрос всю западную цивилизацию.

Дух терпимости, победивший после горького опыта религиозных войн, сперва означал только забвение проклятий, брошенных друг в друга римским папой и вселенским патриархом. Но процесс секуляризации приобрел в XX веке новые измерения; он заставляет вспомнить римских ветеранов, распевавших на триумфе Юлия Цезаря свои частушки: «Вот едет лысый развратник./ Берегитесь, римские матроны,/ Вот едет муж всех римских матрон / И жена всех своих друзей». Нравы начинавшегося римского упадка кажутся сегодня пророчеством о современном западном понимании свободы.

В годы моей юности считалось, что великие азиатские цивилизации просто отстали от передовой Европы. Сегодня они становятся лидерами глобального прогресса, каждая по-своему. Китай заваливает мировой рынок дешевой, а Индия развивается в своем стиле: одни кастовые и квазикастовые группы развивают современную экономику, а другие внедряют упанишады в духовную жизнь Запада.

Индия и Китай не знали запустения и варваризации. Варвары иногда прорывались сквозь границы, но масса носителей местных традиций ассимилировала их. Я подчеркиваю, что в Средиземноморье варвары ассимилировали обломки римской цивилизации, а в Азии процесс шел в обратном направлении: через два-три поколения князя вторгшегося народа заказывали родословные, изготовленные брахманами, и становились еще одной кастой в варне кшатриев; или, в Китае, они сдавали экзамен и становились китайскими мандаринами.

Это можно проследить даже в судьбе еврейских купцов, осевших в средневековом Китае. Они сохраняли свои священные свитки, но не могли их прочесть; а фигурки предков в кумирнях ничем не отличались от фигурок у китайских соседей.

Здесь не было опустевших земель, не было и вымиравших рабов, которым не хотелось думать о потомстве при судьбе «говорящих орудий», наряду с орудиями немymi и мычащими. Понятие «раб» бытовало у многих народов, но оно обычно не имело римского смысла. Например, в еврейском праве раб, отбив семь лет, выходил на волю — и освобождался еще раньше, если хозяин наносил рабу увечье, хотя бы зуб выбил. В других восточных системах такой строгой регламентации не было, но в Индии слово «даса» просто не различало раба и слугу; в Китае опыты рабовладения были испытаны в древности и отброшены как нецелесообразные, и при смене династий крестьяне освобождались от долгов, закабалавших их.

Средиземноморское право рабства началось, как мне кажется, в торговых городах, возникших на окраинах ближневосточных царств. Ни одно из этих царств не было долговечным. В хаосе, созданном войнами, исчезали архаические племенные традиции, и их надо было чем-то заменить. Заменой были городские конституции, созданные логическим мышлением. А всякий логический

принцип можно довести до абсурда; и римляне сделали только последний шаг. Другой губительной чертой была неспособность городов-держав ужиться друг с другом, как впоследствии уживались европейские нации. Два хищника не могли ужиться в одной берлоге. «Карфаген должен быть разрушен», — повторялось в римском сенате. И вслед за победой Рима начался его медленный упадок. Цельность античности покрывалась трещинами, цветущие провинции пустели — и на обломках мировой державы начали складываться нации, при участии варваров; а через тысячу лет начался новый цикл.

Почему обломки античности, вошедшие в средневековый синтез, стали вырываться из него, всплывать наверх и в вольных городах ожили тени древних? Почему готические соборы, с их взлетом в небо, остались недостроенными и уступили место дворцам, развернутым по горизонтали, с открытыми окнами на земную, преходящую жизнь? Можно сказать, что строители храмов устали, как устали некогда египтяне от строительства пирамид. Но египтяне и без новых пирамид сохранили устойчивость своей культуры на пару тысяч лет — без свободы и без рабства, со всеобщей барщиной, окормляемой жрецами; и неповторимость просвечивает в каждом камне. А на землях, вошедших в Запад, цивилизации быстро дряхлеют, и дай Бог нынешней цивилизации выйти из кризиса.

В Индии и Китае не было этой стремительности развития, с резкими поворотами и быстрой старостью. Они сохранили свои древние корни и единство истории, подобно Древнему Египту, их верность себе защищена была природными границами, полуизоляцией друг от друга и от западных соседей стенами гор и бурным океаном. До прихода ислама здесь невозможна была война цивилизаций, и ислам завоевал только окраины Индостана. До этого цивилизации Востока только слегка связывали караваны международной торговли, а потом буддийские проповедники; и контакты были ненасильственными. Лишь одно влияние прижилось и расцвело: распространение буддизма на Дальнем Востоке, в те самые годы, когда в Индии он отступал в долгом диалоге с индуизмом. И состоялось влияние потому, что нашло общий язык с Лао-цзы и Чжуан-цзы и как бы дополнило и развило их учения, когда это понадобилось культуре Китая, по мере самоуглубления духовной элиты, привлекая образом истины, скрытой в глу-бине духа.

С тех пор Дальний Восток объединяет с Индией чувство истины, постигаемой вне слов, по ту сторону логики. Так, как ее еще до буддизма понимал Яджнявалкья, мудрец в «Брихадараньяке-упанишаде», отвечавший на все попытки однозначной истины: «не это, не это!» А Уддалакла Арунья в «Чхайдогье-упанишаде» повторял: «Ты это То», очень близко к словам Христа: «Царство Божие внутри нас». Мысль, до сих пор недоступная большинству христиан, не говоря уже о низах народной массы, и великие религии сходятся в кружении вокруг тайны, не поддающейся точному слову.

Дальний Восток и Индия донесли до наших дней плюрализм подступов к целостной истине. Миссионеры смешивали это с язычеством, но они ошибались. Взаимному пониманию мешало высокомерие европейцев, гордившихся превосходством западной науки и техники. Но чувство превосходства Европы рухнуло в войнах XX в. и освободило духовные пути.

Я запомнил на всю жизнь потрясение Роже-Мартена дю Гара, выраженное в романе «Лето 1914 года». Как будто ясное летнее небо обвалилось и откуда-то полились потоки национальной ненависти. Герцен, став свидетелем разрушенных баррикад 1848 г., предвидел последствия политики, разжигавшей национальную ненависть, оберегая себя от ненависти социальной. Когда все уже случилось, его слова звучали как пророчество: «будет вам война семилетняя, тридцатилетняя!»

Однако случилось все позже, через шестьдесят с лишним лет. А пока, читая Золя, читая Чехова, попадаешь в устоявшийся, прочный быт, в котором угасли страсти Бальзака, страсти Достоевского, и казалось, что век, начавшийся в 1815 году, еще долго не кончится. Разве через 100–200 лет (мечтали герои Чехова) наступит более светлое время.

Все шло по порядку. Одна волна прогресса, уступив на время романтическому откату, сменялась другой, и мятежный поэт Николай Гумилев уезжал в Африку, ища бурь и гроз. Символизм, с его смутными ожиданиями, уступал место прозрачной ясности акмеизма. «Я на правую руку надела перчатку с левой руки...», — писала Ахматова. Вот и все, что прорывалось из внутренней жизни в жизнь внешнюю, зримую. Пышно цвела экономика. Концерт великих держав улаживал мелкие конфликты. Тройственное согласие уравнивало Тройственный союз... И все это сразу рухнуло в бездну.

Вмешательство Америки позволило в 1918 году как-то свести концы с концами, но мировой экономический кризис снова все развязал, и после Второй мировой войны Европа стала предметом дележа в Ялте и Потсдаме. Восстанавливая свой престиж, европейские нации объединились в подобие коалиционной сверхдержавы. И начала складываться перекличка

цивилизаций, структура, подсказанная структурой наций Европы. И Запад входит в эту систему на равных правах с другими.

Но это только образ, зримое будущее, еще не ставшее полной реальностью. Я его ощущаю яснее всего в области духа, в книгах Экхарта Толле, Кена Уилбера, которые сегодня можно прочесть и на русском языке. Повседневной реальностью стал Интернет. Он создал сеть связей, пересекающую все границы. Он опрокидывает «вертикаль», навязанную властными центрами. Он прорывается в программу «Родительское собрание» на радио «Эхо Москвы» со стихами таксиста Дмитрия Люляева, и Е.А. Ямбург цитирует их как свидетельство настроений молодежи, не поддающейся управлению. Приведу из этих стихов четыре строки. Они дают представление обо всем остальном в «русском пейзаже», как Люляев их назвал.

*...Страна, где некуда идти,
Где перекрыты все пути,
Где ворон слаще соловья –
Все это родина моя...*

Тот же Интернет приносит со всех концов отклики на тихий голос Зинаиды Александровны и наши общие попытки передать свой опыт.

Зинаида Миркина

Post Scriptum

Григорий Соломонович подвел историческую базу, некий итог истории, приведший вплотную к духовным задачам современности. Если говорить о духовном климате современного мира, то он приводит в ужас, так же как жара со смогом лета-2010 в Москве и ледяной дождь зимой-2011. Но есть веянья, не такие явные, явления не такие массовые, которые, однако, имеют совершенно противоположный характер.

Я смотрю на историю с ужасом, и она кажется мне историей сумасшедшего дома. Но, может быть, это все-таки история духовного роста человечества, неизбежного роста, который не может не привести к изменениям. И вся дикая агрессия, все войны, звериная жестокость, фанатизм — подростковый период человечества, который неминуемо ведет нас либо к краху, либо к преображению. Современный духовный учитель, живущий в Америке, Экхарт Толле считает, что мы сейчас ближе к преображению, чем когда-либо. Но все то страшное, циничное, что бурлит на поверхности, гораздо шумнее и ярче и потому заметнее тех глубинных процессов, которые происходят и внушают ему надежду.

Кто такой Экхарт Толле? У нас его мало знают, но в Штатах книги его стали бестселлерами и издаются пятиллионными тиражами. И это отнюдь не за счет снижения уровня и угождения массам. Как раз напротив. Духовный уровень его книг бескомпромиссно высокий. Я бы сказала — высочайший. И они нужны. Они очень востребованы.

Это духовный учитель, хоть ни к какой определенной религии он себя не привязывает. Он не называет себя христианином, но говорит о Христе так, что знакомые мне христианские священники принимают его слова с трепетом и любовью.

Все, что он говорит, основано на личном опыте, на глубинном переживании, преобразившем его, давшем ему живое неопровержимое чувство бессмертия. Таинственные слова Христа «Я есмь воскресение и жизнь вечная» заново родились в нем. Но вечным он почувствовал не черты своего лица (кстати, довольно обыкновенные), не своего тела, не то свое «я», которое отделено от всецелого мироздания и именуется «эго». Нет. Он почувствовал, что кроме всего этого глубже всего этого в нем есть что-то еще, и оно — нетленно. Именно с этим внутреннейшим, глубинным, нетленным он и отождествил себя и ни с чем другим.

И вот тогда вдруг встали на место, сложились сами собой, как ледяные кубики Кая в слово «Вечность», вот так же встали слова Христа: «Царствие Божие внутри нас».

Положа руку на сердце многие ли христиане понимают, что это такое? Царствие Божие, т.е. Сам Бог внутри нас? В нас с вами? Кто же мы такие?

Митрополит Антоний Блум (Сурожский) в 2000 году говорил, что мы теряем, может быть, последний шанс превратиться из церковной организации в Церковь. Церковью он называл собрание людей, имевших живую встречу с Христом. Может быть, не такую потрясающую, как встреча апостола Павла, которая полностью преобразила его, произвела переворот внутри, позволивший ему сказать: «Я умер, жив во мне Христос». Да, может быть, не такую, но все-таки чувство, что я знаю Его, прикасался к Нему. То есть живой опыт богообщения. Присутствия Божьего, то есть присутствия Жизни Вечной, ее живое ощущение.

Истинная Церковь может основываться только на людях, имевших личный опыт. На внутреннем опыте, а не на внешнем авторитете. Понимание этого и есть зрелость человечества. И вот процесс такого взросления сейчас происходит интенсивнее, чем когда-нибудь.

Экхарт Толле не называл себя христианином. Но вот цитата из книги христианского монаха Энтони де Мелло:

«Мастер говорил, что абсурдно называть себя индейцем, китайцем, африканцем, американцем, индуистом, христианином или мусульманином. Это всего лишь ярлыки. Ученику, который заявлял, что он прежде всего иудей, а потом все остальное, он мягко сказал:

— Это не твоя сущность. Это обусловленность у тебя иудейская.

— А что же есть моя сущность?

— Пустота.

— Ты хочешь сказать, что вакуум, пустое место? — недоверчиво переспросил ученик.

— Ты то, на что нельзя поставить ярлык».

А вот другое место из Энтони де Мелло:

«Одного европейского философа раздражали парадоксальные высказывания Мастера.

— Я слышал, — сказал философ, — что к востоку от Суэцкого канала два противоречащих друг другу утверждения могут оказаться одновременно истинными.

Мастер оценил высказывание.

— К востоку от Суэцкого канала и на сантиметр вглубь реальности, — сказал он. — Вот почему реальность остается необъяснимой загадкой».

Вот понимание того, что реальность остается необъяснимой загадкой; понимание того, что нас окружает, пронизывает великая жизнетворная Тайна, и наш ум не может втиснуть ее в свои одномерные рамки. Понимание этого и есть основа для сближения умов. Для совмещения в одном духовном пространстве множества форм, обличий.

«Я знаю только то, что я ничего не знаю», — сказал Сократ.

«Господь непостижим и непредставим умом» — вот основа истинной богословской мудрости. Спор между собою о первенстве, об истинности форм и идей — подростковая игра, тинейджерство человечества. К сожалению, отнюдь не детская, не безобидная — кровавая игра.

Все формы и имена могут быть истинными, если сознают, что они лишь формы и имена, а Суть безымянна и вне формы.

Вот слова мусульманского мистика суфия ибн Аль Фарида:

О, создатель всех форм, что как ветер сквозной

Сквозь все формы течет, не застыв ни в одной —

Ты, с кем мой от любви обезумевший дух

Жаждет слиться! Да будет один вместо двух!

Когда на одной конференции в Швейцарии у Далай-ламы спросили, в чем особенность ламаизма, он сказал: главное — это любовь в сердце, а метафизические теории могут быть самыми разными. Метафизические теории — вещь сложная. А кроме них есть что-то очень простое.

В родстве со всем, что есть уверяясь

И знаясь с будущим в быту,

Нельзя к концу не впасть, как в ересь,

В неслыханную простоту.

Но мы пощажены не будем,

Когда ее не утаим.

Она всего нужнее людям,

Но сложное понятней им.

Неслыханная простота, о которой говорит Пастернак, это прямой разговор души с Богом — напрямик. Без посредников. Это разговор с целостным мирозданием — со всем сразу. Если хотите, это разговор с самим собой, со своей последней бессмертной глубиной. Это пробуждение этой глубины и ощущение своего родства, своего единства со всем мирозданием. Ты вдруг оказываешься не оторванным листком, а единым со всем и всеми. И душа твоя становится бескрайней, как небо.

Это так просто! «В родстве со всем, что есть, уверяясь». Да, просто целостному существу и совершенно непонятно осколкам, которые окружены осколками и готовы складывать, вычитать, делить и умножать осколки на осколки. Все эти сложные действия им понятны и доступны. Но сразу охватить все одним взглядом и вместить в свое сердце... Нет, этого понять нельзя.

Есть одна замечательная сказочная повесть у нашего современного писателя и мыслителя Андрея Суздальцева «Май, драконы и волшебное зеркало». В седьмой главе этой повести герой попадает в подземный город, где все — и люди и вещи — из льда. Из льда дома, из льда — автомобили, деньги — все. Между тем люди живые. И в воздухе витает неслышимый плач. Герой разобрал некоторые слова этого плача: «О, солнце блаженных, зачем ты обходишь наш край стороной?» Да, они чувствовали себя глубоко несчастными, но если приглядеться, можно было увидеть в

груди у каждого просвечивавшую сквозь лед тусклую золотую точку на месте сердца. Это была их бессмертная бабочка (бессмертная душа), которая была сделана из живого солнца, но сейчас она спала. И если только они выйдут к солнцу, она тотчас проснется и оживет. И они перестанут быть ледяными. Они жалуются и плачут о Солнце, но о том, чтобы выйти к солнцу не может быть и речи. «Мы же растаем, — говорят они. — Дать растаять? Всему? Дать растаять нашим домам, деньгам, роскошным ледяным автомобилям?»

— Но разве вы не хотите быть счастливыми? — спросила фея.

— Счастье — это слишком неопределенно, — ответил ледяной господин. — И ведь если хорошенько вдуматься, лед крепче каких-то воды и ветра. Он держит форму. В нем есть мужественная определенность.

Вот эта «мужественная определенность» льда пока что определяет поведение нашего мира. Да, «он крепче каких-то воды и ветра». Но творят жизни эти лишённые крепости и формы вода и ветер. Творит жизнь Дух, и «сила Духа — больше силы ветра, силы камня».

Вот об этой силе Духа, о Встрече с живым, творящим все заново Духом, говорит Суздальцев в своей прекрасной книге — сборнике статей «Свет Святыни».

Эта книга — одно из убедительных свидетельств того, что живой Дух набирает силу в нашем мире, что процесс взросления мира продолжается, крепнет. Вся книга — неустанная борьба с оледенением, взламыванье льда. Мертвая, давящая своим каменным авторитетом цитата противопоставляется живому, только что заново рождающемуся слову. Вся книга — призыв повернуться извне вовнутрь — туда, где находится живая творческая сила. Повернуться вовнутрь к истинной святыне. «Настоящая святыня, — говорит Суздальцев, — это то, что важнее жизни и смерти. Больше, чем жизнь, и больше, чем смерть. Потому что настоящая святыня не только бессмертна, но она сама и является источником жизни. Ее называют по-разному: Дао, Истина, Бог, Дух. Но суть одна: она начало и невидимая основа, которая способна дать жизни смысл и бесконечную глубину».

О Боге в книге говорится очень целомудренно, — никогда не с чужих слов, не путем «ледяных» авторитетных цитат. Только как о пережитом, встреченном сердце. «Христос предупреждает нас, — говорит Суздальцев, — будьте осторожней с цитатой, с копией — потому что меня невозможно скопировать точно, растиражировать адекватно. Меня можно лишь встретить и пережить. И не когда-то, а прямо сейчас — вне времени, пространства и объекта».

Один святой (кажется, Афанасий Великий) сказал: Бог стал человеком для того, чтобы человек стал Богом. Процесс обоженья человека и есть процесс взросления до полной зрелости. Осуществления того образа, по которому мы созданы. Процесс взросления человечества есть процесс обращения внутрь, к живым созидательным силам.

Наше время близко к апокалиптическому. Время жатвы. Время собирания плодов. Время, когда труднее всего уклониться от Божьих требований. Мы либо будем выполнять их, либо погибнем. И эта близость гибели может быть не только угрозой, но и надеждой на преображение.

Богословие после Освенцима требует предельного спроса с себя. «Это Рим, который взамен турусов и колес не читки требует с актера, а полный гибели всерьез» (Б. Пастернак).

Великая суровость нашего времени ставит нас перед бездной, — великой Пустотой, которая одних будет страшить, а для других окажется пространством, расчищенным Творцом для живого творчества. Это великий вызов, на который могут и должны откликнуться все живые души.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга посвящена описанию основных индексов развития стран мира и наиболее авторитетных баз данных о страновых показателях, использующихся в политологических исследованиях и работе государственных органов, а также негосударственных и международных организаций.

Книга включает обзоры индексов и баз данных по следующим тематическим блокам:

- государственная состоятельность;
- качество государственного управления;
- конституции и политические институты;
- политические режимы;
- избирательные системы;
- права человека и свобода СМИ;
- социальная неоднородность и внутригосударственные конфликты;
- качество жизни населения (в том числе уровень глобализации, развития экономики и финансов, информационных технологий, уровень коррупции, уровень счастья).

Помимо унифицированного описания основных индексов и баз данных, в работе предложен краткий обзор наиболее популярных методов анализа данных, позволяющих решать часто возникающие в социальных науках задачи с использованием количественных данных. Важным критерием для включения описания индекса в книгу было наличие статей, опубликованных в ведущих международных научных периодических изданиях, в которых используются эмпирические данные, предлагаемые разработчиками соответствующего индекса.

Задачей настоящей публикации является знакомство читателя с основными источниками данных, активно используемых как в академических, так и в практикоориентированных политических и по-литико-экономических исследованиях.

По структуре книга состоит из трех частей. В первой части дается краткое изложение теоретико-методологических основ сопоставительно-институционального анализа. Во второй части предлагается описание основных методов, применяемых в современных сравнительных политических исследованиях. Третья часть состоит из подробного описания целого набора политологических индексов и баз данных.

Такая подборка индексов и баз данных с характеристикой их возможностей и ограничений, по мнению авторского коллектива книги, может быть полезна политологам, экономистам и социологам, занимающимся межстрановыми исследованиями.

СОПОСТАВИТЕЛЬНО- ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Государство занимает центральное место в проблематике политической науки и служит одним из основных и важнейших объектов политологических исследований. При этом государство изучается и как единый политический актор с присущими ему свойствами и характеристиками, и как системная совокупность институциональных структур (институтов государств), порядков, правил, связей, отношений и процессов взаимодействия таких структур.

Институт государства, как и любой другой политический институт, непрерывно эволюционирует и видоизменяется в ходе исторического процесса развития цивилизации. И сегодня, в начале XXI в. государство все еще не является законченным продуктом трансформаций национального государства, или государства-нации, начавшихся во второй половине XX в. и далеких от своего завершения. При этом и само государство-нация как основная форма политической ассоциации людей начало оформляться по историческим меркам относительно недавно, только с XIX в. после распада великих империй, сначала в Латинской Америке и Европе, а затем в Азии и Африке¹. И тем не менее современное государство как объект политологических исследований, благодаря своим уже проявляющимся свойствам и характеристикам, порождает потребность в новых подходах и создает предпосылки для того, чтобы не столько разрабатывать принципиально новые методы его изучения и анализа, сколько качественно совершенствовать уже известные, учитывая развитие общего инструментария политологических исследований.

Интенсивное развитие технологий сбора, обработки и передачи информации позволило многим межгосударственным и неправительственным организациям с 1970-х годов начать проведение разнообразных экономических, политологических и социологических исследований в масштабах всего мирового сообщества, используя базы данных и источники информации, расположенные в разных государствах на всех континентах, международные и национальные команды экспертов.

В контексте политологических исследований современного государства как единого политического актора интерес прежде всего представляют систематически проводимые исследования, в которых единичным объектом изучения является государство и его характеристики, общие для всей совокупности существующих государств. Такие исследования межгосударственных и неправительственных организаций условно можно назвать государствоведческими. При этом определяющее значение имеют результаты исследований, относящиеся к суверенным государствам, поскольку это позволяет исключить влияние такого фактора, как государственно-политическая подконтрольность или подотчетность другому государству. Для таких объектов репрезентативным может считаться исследование, охватывающее большинство суверенных государств, генеральную совокупность которых составляют 194 государства — члена ООН² и Тайвань, который де-факто является суверенным государством.

Количественные результаты государствоведческих исследований могут использоваться в качестве базы эмпирических данных для углубленного изучения характеристик современного государства как единого политического актора посредством сопоставительно-институционального анализа.

Сопоставительно-институциональный анализ по известной классификации методов политологических исследований³, как представляется, может быть отнесен к постбихевиоралистским методам, для которых характерно построение теоретических выводов на основе интерпретации фактического материала.

Суть сопоставительно-институционального анализа заключается в сопоставлении различных институциональных характеристик государства как единого политического актора с целью выявления существующих между различными характеристиками взаимосвязей и трендов влияния, исходными данными для чего служат количественные оценки исследуемых характеристик, полученные для большинства существующих сегодня в мире суверенных государств в результате государствоведческих исследований.

При применении сопоставительно-институционального анализа ключевой момент методологического раздела прикладного исследования⁴ состоит в операционализации понятий теоретической гипотезы исследования. Операционализация понятий гипотезы определяется как «специфическая научная процедура установления связи концептуального аппарата исследования с его методическим инструментарием, которая объединяет в единое целое проблемы формирования понятий, техники измерений и поиска индикаторов»⁵. Теоретическая гипотеза исследования в концептуальном представлении может быть сформулирована на основе ранее примененных качественных методов исследования различных свойств и характеристик государства как единого политического актора.

При применении сопоставительно-институционального анализа операционализированная гипотеза исследования должна определить, во-первых, какие конкретные характеристики государства подлежат анализу с целью выявления особенностей взаимосвязей и трендов влияния и, во-вторых, каузальную модель теории⁶, устанавливающую, какие характеристики будут рассматриваться как зависимые переменные, а какие как независимые. Ключевой момент методического раздела прикладного исследования при применении сопоставительно-институционального анализа состоит в инструментализации процесса наблюдений⁷, который в данном случае заключается в выборе того, какие конкретные государствоведческие исследования и какие полученные по их результатам количественные индикаторы будут использоваться в качестве оценок тех или иных характеристик государства.

Количественные результаты государствоведческих исследований, как правило, представлены в виде рейтингов нормированных значений тех или иных обобщенных индексов (индексы качества государственного управления, индекс восприятия коррупции, индекс экономической свободы, индекс политических прав и др.) для всех государств, в которых проводилось данное исследование, а также в виде нормированных значений индикаторов, по которым составляются обобщенные индексы. В зависимости от смыслового содержания в качестве оценок тех или иных характеристик государства могут использоваться как обобщенные индексы, так и отдельные составляющие их индикаторы.

В методический инструментарий государствоведческих исследований входят различные методики экспертных оценок, которые получают анкетированием сотен и тысяч квалифицированных экспертов, как из обследуемого государства, так и зарубежных. Также, хотя и в меньших

масштабах, используется сбор и обработка статистических данных и данных различных социологических обследований. По мнению некоторых специалистов, получаемые по результатам государственоведческих исследований «рейтинги, составленные по экспертным оценкам, всегда несут на себе отпечаток субъективизма»⁸. Однако и стремление сделать преимущественный «акцент на анализе универсальных по масштабу и признанию статистических баз данных»⁹ также может привести к неадекватности получаемых результатов. Адекватный анализ большинства характеристик современного государства требует как количественных статистических, так и качественных экспертных оценок.

Примером может служить определяемый исследованиями ООН индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index, HDI). Этот индекс определяется только по статистическим данным об ожидаемой продолжительности жизни, об уровне грамотности среди взрослого населения, об обучающихся в начальных, средних и высших учебных заведениях, составляющих индекс уровня образования, а также о величине валового внутреннего продукта на душу населения¹⁰. Однако достаточно проблематично адекватно оценить реальный человеческий потенциал государства без учета качества образования, получаемого его гражданами.

Указанные проблемы методического характера при применении сопоставительно-институционального анализа не очень существенны, так как цель анализа состоит не в сравнении оценок одних и тех же характеристик для различных государств, когда субъективизм или недостаточный учет качества может заметно влиять на адекватность результата, а в выявлении трендов влияния одних характеристик современного государства на другие при сопоставлении множеств оценок одних и тех же характеристик для всех обследуемых государств.

Например, цель сопоставительно-институционального анализа будет состоять не в сравнении уровня коррупции в России и США, а в выявлении тренда влияния уровня подотчетности системы государственного управления на уровень коррупции при сопоставлении двух множеств, каждое из которых содержит оценки для соответствующей характеристики. И при этом в каждое из множеств в числе оценок для всех обследуемых государств будут входить оценки и для России, и для США.

Для сопоставительно-институционального анализа ключевой является проблема соответствия обобщенных индексов или составляющих их индикаторов, количественные значения которых получены по результатам тех или иных государственоведческих исследований по тем характеристикам государства, которые они должны отражать, т.е. проблема валидности¹¹. При этом валидность измерений неразрывно связана с верификацией результатов исследования, т.е. с установлением степени их достоверности, точности и обоснованности¹².

Специфика проблемы валидности и в целом применения сопоставительно-институционального анализа состоит в том, что обычно непосредственно сам исследователь никаких измерений не проводит и может использовать только доступные ему результаты конечного набора государственоведческих исследований, проводимых межгосударственными и неправительственными организациями. Среди анализируемых численных результатов могут быть и базы статистических данных. Одной из наиболее универсальных и общепризнанных баз данных служит Открытая база данных Всемирного банка (The World Bank Open Data), содержащая значения 331 индикатора мирового развития (World Development Indicators, WDI) для 213 государств и территорий, начиная с 1960 г.¹³ Это обуславливает, с одной стороны, наличие объективных ограничений на применение сопоставительно-институционального анализа, а с другой — исследователю необходимо детально изучать и знать методики проведения государственоведческих исследований для выбора определяемых по их результатам индексов или составляющих их индикаторов и баз данных в качестве максимально валидных количественных показателей, отображающих исследуемые им характеристики государства.

Выбор максимально валидных показателей является творческим научным процессом и в определенной мере искусством. И тем не менее могут быть сформулированы некоторые общие рекомендации по реализации такого выбора.

Во-первых, такие рекомендации связаны с тем, что при проведении государственоведческих исследований разными организациями могут по различным методикам определяться подобные индикаторы, пригодные для использования в качестве количественной оценки одной из сопоставляемых характеристик государства. При этом возможны два случая.

В первом случае государственоведческие исследования, результаты которых предполагается использовать при проведении сопоставительно-институционального анализа, непосредственно не связаны друг с другом в смысле получения и обработки их данных, используемых в качестве исходных. В этом случае все подобные индикаторы целесообразно использовать как количественные оценки одной из сопоставляемых характеристик государства, что обеспечит конструктивную внутреннюю валидизацию таких измерений¹⁴ и повышение степени достоверности полученных результатов анализа. Примером подобных автономных друг от друга индикаторов

может служить индекс свободы прессы (Freedom of the Press Index, FPI), определяемый независимой неправительственной организацией Дом Свободы (Freedom House), и индекс свободы прессы в мире (World Press Freedom Index, WPFI), определяемый международной неправительственной организацией «Репортеры без границ» (Reporters Without Borders).

Во втором случае некоторые из государствоведческих исследований, результат которых предполагается использовать при проведении сопоставительно-институционального анализа, оказываются взаимосвязанными. А именно либо одни исследования в той или иной мере используют в качестве исходных данные, полученные при проведении других исследований, либо в качестве исходных данных используются те или иные собственные оценки другой сопоставляемой характеристики государства. В этом случае для исключения влияния таких взаимосвязей на результаты сопоставительно-институционального анализа следует в качестве оценок сопоставляемых характеристик государства использовать только индикаторы, полученные по результатам автономных друг от друга государствоведческих исследований. При этом связанные индикаторы можно использовать в качестве дополнительных справочных оценок.

Примером такого случая может служить проведение сопоставительно-институционального анализа взаимосвязи между уровнем коррупции и уровнем экономической свободы. В качестве оценки уровня коррупции в этом случае используется индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, CPI), определяемый международной неправительственной организацией «Трансперенси Интернешнл» (Transparency International). Индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom, IEF) определяют независимо друг от друга, с одной стороны, фонд «Наследие» (The Heritage Foundation) совместно с газетой «The Wall Street Journal», и американский Институт Катона (The Cato Institute) совместно с канадским Институтом Фрейзера (The Fraser Institute) — с другой. При этом в исследовании фонда «Наследие» индекс экономической свободы определяется с учетом такого индикатора, как свобода от коррупции, для оценки которого используются данные по индексу восприятия коррупции «Трансперенси Интернешнл». Поэтому при проведении описываемого сопоставительно-институционального анализа в качестве основного индикатора экономической свободы следует использовать индекс, определяемый институтами Катона и Фрейзера, а индекс, определяемый фондом «Наследие», можно использовать как справочный.

Во-вторых, рекомендации по выбору максимально валидных показателей могут относиться к ситуации, когда в рамках известных государствоведческих исследований определяется не исчерпывающая и полная оценка исследуемой характеристики государства, а только более или менее комплексные оценки или оценки тех или иных факторов, влияющих на исследуемую характеристику. Очевидно, что в такой ситуации следует использовать наиболее комплексную оценку, а остальные использовать в качестве дополнительных, что будет способствовать конструктивной внутренней валидации и повышению степени достоверности полученных результатов сопоставительно-институционального анализа.

В качестве примера подобной ситуации можно привести выбор оценки такой характеристики современного государства, как подотчетность системы государственного управления обществу. Наиболее комплексную оценку этой характеристики представляет собой один из индикаторов качества государственного управления (Worldwide Governance Indicators, WGI), а именно индикатор учета мнения населения и подотчетности государственных органов (Voice and Accountability), определяемый Всемирным банком. В качестве дополнительных оценок факторов, влияющих на исследуемую характеристику, можно использовать определяемые организацией Freedom House индексы политических прав (Political Rights, PR) и гражданских свобод (Civil Liberties, CL).

Простейшим инструментарием проведения сопоставительно-институционального анализа может служить построение точечных диаграмм с использованием стандартной программы Microsoft Office Excel или любого другого программного продукта для построения диаграмм.

Для углубленного исследования трендов влияния и взаимосвязей между характеристиками современного государства как с целью учета и анализа динамики их изменений в политико-историческом процессе, так и с целью политического и экономического прогнозирования могут применяться методы математико-статистического моделирования.

Политологическое исследование, проводимое с применением сопоставительно-институционального анализа, полностью информационно открыто, передаваемо, повторяемо и может быть оценено и верифицировано широким кругом исследователей путем его повторного проведения, что соответствует общенаучным правилам получения нового знания¹⁵.

-
- 1 Пшизова С.Н. Государство // Политология: Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2007. С. 100.
  - 2 Список государств — участников ООН представлен на официальном сайте ООН: <<http://www.un.org/ru/members/>>.
  - 3 Smith B., Jonson K., Shocket F. Political Research: Methods, Foundations and Techniques. Atlanta: Houghton Mifflin Harcourt (НМН), 1976. P. 3.
  - 4 О методологическом и методическом разделах прикладного исследования см.: Боришполец К.П. Методы политических исследований. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 21.
  - 5 Анохин М.Г. Современные технологии эффективной политики. М.: РУДН, 2008. С. 69.
  - 6 Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования / пер. с англ.; предисл. А.К. Соколова. М.: Весь Мир, 1997. С. 56.
  - 7 Там же. С. 73.
  - 8 Миронюк М.Г., Тимофеев И.Н., Ваславский Я.И. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) // Полис. 2006. № 5. С. 39–57.
  - 9 Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современного государства. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 9.
  - 10 Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. М.: Весь Мир, 2009. С. 170.
  - 11 О проблеме валидности как степени соответствия показателя тому понятию, которое он призван отражать, считающейся основной проблемой, связанной с измерением в социальных науках, см.: Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Указ. соч. С. 99–110.
  - 12 Анохин М.Г. Указ. соч. С. 85.
  - 13 The World Bank Open Data. Indicators <<http://data.worldbank.org/indicator>>.
  - 14 Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Указ. соч. С. 105.
  - 15 Мангейм Дж.Б., Рич Р.К. Указ. соч. С. 78; Боришполец К.П. Указ. соч. С. 18.

«Готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе»

Александр Александрович Аузан

Декан экономического факультета МГУ Александр Аузан о новом общественном договоре, великодержавной гордости и судьбе российских правителей-реформаторов в интервью «Газете.Ру».

— В чем состоит новый общественный договор российских граждан с властью: примем любую жизнь, главное — Крым наш?

— Действительно, в 2014 году произошел серьезный сдвиг в общественном договоре. Напоминаю: под общественным договором понимается не бумага, которую каждый из читателей подписал с другим читателем или с президентом, а обмен ожиданиями по поводу прав собственности и свобод, которые существуют в стране.

Что было раньше? Примерно в 2000 году появилась формула: власть предлагает общественный договор «порядок в обмен на налоги». Это была очень разумная формула восстановления порядка, и уровень налоговых платежей действительно вырос, подтвердив готовность людей платить.

Но в 2003–2004-м, после дела ЮКОСа, произошел сдвиг. В то же время начался довольно активный экономический рост, стало расти благосостояние. Одновременно начались изменения в политических институтах, и что получилось? Люди, судя по социологическим опросам, не очень хотели отмены выборов губернаторов. Но реальная зарплата прирастала по 4% в год.

— И открылась прекрасная возможность вовсе не думать о политике и заняться своей частной жизнью.

— Совершенно верно. Фактически получилось «стабильность в обмен на лояльность». И так мы жили до 2008 года, когда кризис перечеркнул и стабильность, и лояльность. А в 2011–2012 годах мы и вовсе прошли через электоральный кризис. Стало понятно: нужно предлагать что-то другое. Кстати, первый всплеск, когда общественные настроения сильно качнулись в сторону «хотим великой державы», произошел во время грузинской войны 2008 года. Тогда, я бы сказал, власть оказалась к этому не готова. Затем экономический кризис, в ходе которого был предложен другой вариант: зарплаты бюджетникам, повышение пенсий пенсионерам. То есть «социальные гарантии в обмен на лояльность». Это оказалась достаточно прочная формула, чтобы проскочить электоральный кризис 2011–2012 годов, собрать необходимую поддержку в регионах и в определенных слоях населения против «рассерженных горожан».

— То есть Москва со своими протестами не подорвала устои социального договора?

— Москва и другие города-миллионники хотели смены социального контракта. Но главной проблемой было то, что те, кто выдвигал эти установки, не думали о других частях страны. А это проблема. Если вы претендуете на перестройку общественного договора в масштабах большой страны, то должны учитывать интересы промышленных городов, которые до сих пор в ужасе от опыта девяностых, когда там не платили зарплату и просто не на что было жить.

«В 2014 году произошел массовый сдвиг в представлениях населения»

— Ну, знаете, эта проблема разрыва между столицами и провинцией в России существует веками!

— Да. Но я хочу сказать, что нельзя сделать маленький общественный договор для одного города. Все равно он должен вписываться в ту структуру ожиданий, которая есть в стране. Так вот что произошло в 2014 году? Произошло то, чего не произошло в 2008-м: массовый сдвиг как в представлениях населения о том, чего хотеть, так и в готовности власти это поддержать.

Во многом это возвращение к традиционному для России государственно-контракту, когда люди соотносят себя с государством и его возможностями.

— Соотносят в том смысле, что идентифицируют?

— Да. Люди хотят ощущать себя частью великой державы, которая что-то приобретает, возвращает позиции.

— Как «болотные» настроения могли трансформироваться в великодержавные? Предположим, в малых городах они никуда и не девались, разные части страны живут в разных временных эпохах. Но как могли так измениться настроения в мегаполисах?

— Объясню.

Если не получается развиваться и модернизироваться, то замедление времени заменяется расширением пространства. Мы же все равно становимся более значимыми,

появляются два новых субъекта Федерации. Это своего рода субститут того, что не получилось в модернизации.

— В своей «Институциональной экономике для чайников» вы приводили высказывание философа Джона Ролза о том, что счастье — это ощущение успешности реализации жизненного плана. Получается, что, не получив этого ощущения, «креаклы» направили эмоции в сторону территорий?

— В общем, да. Представление о том, что креативный класс не вписывается в государственный контракт, неверное. Например, в некоторых сферах оборонно-промышленного комплекса креативные элементы замечательно в него вписываются. В условиях конкуренции мировых держав могут даваться деньги на творческие поиски, внедрение новых идей. Вообще, из-за того, что такая модель социального контракта в России уже встречалась, о ней можно сказать довольно много.

«В обмен на принадлежность к великой державе»

— Как звучит теперь этот социальный контракт?

— Готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе.

Я внимательно смотрел за экономическим поведением, оно — индикатор того, насколько люди готовы на что-то идти. Весенняя динамика еще не показывала, что происходит серьезный сдвиг. Люди уже были охвачены патриотическим подъемом, но в то же время изымали деньги из рубля, вкладывали в доллары и евро и одновременно вынимали деньги из национальной банковской системы.

— Клали в банки, но уже в стеклянные.

— Совершенно верно. Что, конечно, экономически совершенно непатриотичное поведение.

Но уже летом и осенью история продовольственного эмбарго показала другое: социологические опросы не зафиксировали снижение патриотизма после того, как ухудшилась ситуация на потребительском рынке. То есть мы по-прежнему фиксируем готовность населения к определенному самоограничению.

Что из этого может получиться? Возможен сценарий мобилизационной модернизации.

Это не то, что понималось под модернизацией в 2008–2011 годах. Основой становится мобилизационный ресурс государства, а государство обладает одной способностью — применять насилие или создавать угрозу применения насилия, для того, чтобы изымать ресурсы.

Я уверен, это будет не в тяжелых формах, как, скажем, при Петре I или Сталине. Нет, будет вариант «лайт». Он будет касаться изъятия некоторых активов, но не будет касаться изъятия самих людей.

— Об этом вы тоже писали: государственная собственность хороша при мобилизационном сценарии.

— Теперь вопрос: даст ли мобилизация какие-то результаты? Думаю, возможны два эффекта. Первый — крупные инфраструктурные проекты могут как-то стимулировать падающую экономику, это классические кейнсианские рецепты. Россия вообще любит большие проекты, и я допускаю, что, скажем, из 15 крупных проектов, которые запустят, 3–5 могут оказаться толковыми и полезными.

Второй — запуск некоторых инновационных проектов в основном в оборонно-промышленном комплексе.

«Мы будем иметь государственный контракт «лайт»

— Мотиватором достижений в подобных моделях обычно служит страх.

— Твердо можно сказать: сейчас это не страх.

— Тогда в остальном мы получим то, что получили с советскими мегапроектами, на которых надорвался Советский Союз.

— Тормозящим фактором, который, на мой взгляд, очень быстро обнаружится, теперь станет дефицит высококачественного человеческого капитала. Свое производство мы сворачиваем; образовательные бюджеты, расходы на здравоохранение снижаются; в то же время отъезд будет происходить. И мы начнем проигрывать в конкуренции за человеческий капитал. А в современных модернизациях он гораздо важнее, чем прежде.

Поэтому, думаю, будет гиперболическое движение: впрыснут ресурсы, затем скачок с повышением темпов роста, потом снова падение темпов и «демобилизация».

Тогда снова встанет вопрос: каким будет социальный контракт?

— Когда мы к этому придем?

— Не знаю. Могу сказать, что это займет не десятилетие точно. Меньше.

— Усматриваете ли вы параллели с программой ускорения времен позднего Союза?

— Аналогии есть, несомненно. Тогда тоже возникло понимание, что мы в застое, была попытка вырваться из отсталости. Причем это была попытка государства, которое еще обладало административно-репрессивным ресурсом.

— *А сегодняшнее государство этот репрессивный ресурс не может восстановить? Многие опасаются именно этого.*

— Когда наша страна вышла из Гражданской войны, которая сама по себе поддерживала этот репрессивный ресурс, разного рода карательные органы и т.д., понадобилось еще десять лет на то, чтобы развернуть масштабные репрессии и приступить к сталинским методам управления.

— *Ну, сегодня в мире все происходит быстрее...*

— Не знаю, не уверен. Все эти годы инвестиций в серьезный репрессивный ресурс не делалось, да и сейчас я пока не вижу позывов к тому, что кто-то хочет его восстановить. Поймите, это колоссальные затраты. Для начала нужно закрыть страну, и прежде всего — оборудовать границы. А это тысячи километров.

«Сейчас нет ни сил, ни желания прижимать человека»

— *Для многих представителей политического и бизнес-истеблишмента граница уже закрыта без всякой колючей проволоки — они под санкциями. Какого поведения в этой связи от истеблишмента можно ожидать?*

— Еще раз хочу подчеркнуть: мы будем иметь государственный социальный контракт «лайт».

Это означает, что «железного занавеса» не будет, дети-внуки останутся там. Мировые связи вроде не приветствуются, но сохраняются. Самое важное — сейчас нет ни сил, ни желания прижимать человека, а именно это было основой мобилизаций Петра и Сталина. При этом, напоминая, в России были и другие модернизации, которые мне кажутся гораздо более продуктивными. Они опирались скорее не на мощь государственной мобилизации, а на другие факторы. В частности, модернизация Александра II.

— *Это плохо для него кончилось.*

— Но обратите внимание: даже плохая кончина бывает разной. На 80-летию Михаила Сергеевича Горбачева я произнес тост. Был государь Александр II, освободил российское крестьянство и был убит, причем прогрессивно настроенной публикой. Был Никита Сергеевич Хрущев, освободил заключенных, был снят и фактически посажен под домашний арест. Был Михаил Горбачев, который принес стране свободу, сейчас он публикует книги, выступает. Так за прогресс российской истории!

Это правда — у каждого из вариантов российской модернизации свои риски. В одном случае — подрыв человеческого потенциала, в другом — смещение главы государства.

«Недоговороспособность — главная русская болезнь»

— *Потому в прогрессивную модернизацию верится сегодня с трудом. И как в этой связи быть тем, кого идея великодержавности не зажигает?*

— Не надо нагнетать! Жизнь не устроена так, что мы выбираем между хорошим и плохим.

— *Да, мы всегда почему-то выбираем между плохим и очень плохим.*

— Ничего подобного, обычно мы выбираем между не очень плохим и не очень хорошим. И в каждом варианте есть свои плюсы и минусы. Вопрос в том, чем имеет смысл заниматься на протяжении нового исторического периода?

Я, например, считаю, что, когда в очередной раз будет шанс реализовать другой тип модернизации, мы, как обычно, упрямся в качество элит. Потому что не должно в российской истории повторяться ситуаций, когда элиты не могут договориться между собой об элементарных шагах.

Недоговороспособность — главная русская болезнь. Вот этим я вижу смысл заниматься — повышением шансов на будущее, когда нынешние студенты станут доминирующей силой в России.

Признание – не догма

Сергей Мирославович Маркедонов

доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета.

Пополнят ли ДНР и ЛНР ряды самопровозглашенных образований

Резюме «Минский процесс» обозначил возможность превращения Донбасса в новый полигон для непризнанной государственности. На этом пути возможны варианты в диапазоне от Чечни и Сербской Краины до приднестровского опыта

Украинский политический кризис продолжается. Несмотря на мирный процесс, стартовавший в начале сентября, вооруженное противостояние на юго-востоке страны не прекратилось. Сохраняется и напряженность в отношениях между Россией и Западом, рассматривающих Украину в качестве своеобразного «момента истины» при формировании конфигурации постсоветского пространства на среднесрочную и долгосрочную перспективу. И хотя не разрешены базовые противоречия, которые актуализировали сегодняшний конфликт, интенсивность военного противостояния в Донбассе снизилась, активизировались различные переговорные форматы.

В этом контексте все более вероятно превращение части Донецкой и Луганской областей в территорию «замороженного конфликта», где будет развиваться новая непризнанная государственность. В настоящий момент практически невозможно прогнозировать, в каких формах она будет существовать. Будут ли это две отдельные «народные республики» (Донецкая и Луганская), провозглашенные в апреле 2014 г., или состоится их объединение? Получит ли дальнейшее развитие проект «Новороссия», выходящий по своим целям и задачам за границы сегодняшнего контроля ополченцев? Есть ли у Киева возможности ликвидировать образования, которые украинские власти называют «террористическими и сепаратистскими» анклавами? Сможет ли Москва, несмотря на санкции, поддержать республики, рассматривающие ее как гаранта их самостоятельного развития, безопасности и источник военно-политической помощи?

При ответах на поставленные вопросы придется учитывать и меняющийся международный контекст, и способность президента Украины Петра Порошенко выстроить эффективную систему государственной власти, и готовность вчерашних «военных менеджеров» из ДНР и ЛНР, закрепивших свои позиции выборами 2 ноября, к формированию чего-то большего, чем федерация полевых командиров. Однако предварительные выводы относительно новой актуализации практик строительства непризнанных образований уже можно делать. Крайне важным представляется обсуждение возможностей, которые сегодня получили «народные республики» Донбасса.

Непризнанные государства: постсоветский опыт

Феномен непризнанной государственности не является порождением советского (или советско-югославского) распада, как об этом часто говорят. Образования, возникавшие в результате революций, различных практик национального самоопределения (которое постфактум называли освобождением) или внешнеполитических игр, но не получавшие при этом широкого или ограниченного признания своей государственности, существовали задолго до 1991 года. В таком статусе побывали даже такие европейские страны, как Франция (после Великой Французской революции), Нидерланды, Бельгия, Ирландия. Некоторое время без признания существовали РСФСР и СССР (те же США признали «новые реалии в Евразии» лишь в 1933 году). В 1949–1971 гг. в ООН была не представлена Китайская Народная Республика (КНР). Интересы Китая представляла Китайская Республика (Тайвань). Только Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2758 «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций» от 25 октября 1971 г. изменила порядок, существовавший в течение двух десятилетий.

Однако процесс распада СССР дал впечатляющий список образований, существующих в реальности, но лишенных признания со стороны стран, входящих в ООН. На сегодняшний день сохранилась инфраструктура четырех образований де-факто (Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия, Южная Осетия и Нагорно-Карабахская Республика), два из которых получили ограниченное признание отдельных стран. Они смогли пережить конфликты с теми государствами, к которым формально приписаны, сформировать свои органы власти, управления,

силовые структуры, провести не одну избирательную кампанию. Но главное – получить легитимность от своих «непризнанных граждан».

При этом важно иметь в виду, что помимо этих образований в 90-е гг. прошлого века было предпринято несколько неудачных попыток объявления независимости, ее вооруженной защиты и внутренней институционализации (самый яркий пример – это Чеченская Республика Ичкерия на Северном Кавказе).

В августе 1990 г., еще до образования Приднестровья, на территории Молдавии была провозглашена Гагаузская Республика. Однако впоследствии Гагаузия (один из «пионеров» среди непризнанных советских образований) не вышла из состава Республики Молдова. В 1994 г. парламент Молдавии принял Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз-Ери), наделивший регион с компактным проживанием гагаузов правами автономии. И сегодня большая часть его политических сил не выступает за отделение от «материнского» государства.

Непризнанные образования, возникшие в результате распада СССР, оказались зарифмованы с этнополитическими противоборствами. В 1992 г. в зонах грузино-осетинского и молдавско-приднестровского конфликтов достигнуто прекращение огня. В 1994 г. это удалось сделать в Абхазии и в Нагорном Карабахе, а в 1996 г. в Чечне. Однако хотя масштабные военные столкновения прекратились, политическое решение не было найдено. Конфликты (равно как и статус непризнанных образований) были «заморожены». В каких-то случаях это определялось военно-политическим балансом сил (Нагорный Карабах), в других ситуациях силовые аспекты дополнялись социально-психологическими и правовыми резонами (Чечня с ее «отложенным статусом» на 5 лет). Однако «заморозка» не могла быть долговременной, поскольку в изменении сложившегося баланса сил были заинтересованы стороны, считавшие себя проигравшими. Стремление изменить положение возникало по мере того, как желающие реванша накапливали необходимые ресурсы.

Сразу отметим: такое наращивание ресурсов и сегодня достигнуто далеко не всеми (в самом худшем положении здесь Грузия и в чуть лучшем Азербайджан). Периодически попытки изменить «замороженное состояние» предпринимали Россия в 1999–2000 гг. в Чечне, Грузия в 1998 и в 2001 гг. в Абхазии, в 2004 г. в Южной Осетии. Азербайджан в отличие от Москвы и Тбилиси сосредоточил внимание на изменении дипломатических форматов мирного урегулирования и добился неплохих результатов, если считать таковым перевод карабахского урегулирования в формат переговоров Ереван–Баку без Степанакерта. Между тем за это время, по справедливому замечанию российского политолога Дмитрия Тренина, «непризнанные республики реально приобрели все атрибуты государственности – от конституций и кабинетов министров до полиции и вооруженных сил».

В августе 2008 г. с признанием независимости Абхазии и Южной Осетии Россией создан прецедент пересмотра межреспубликанских границ как межгосударственных. После этого на территории бывшего СССР появились частично признанные государства, то есть образования, которые не являются членами ООН, но в то же время признаются как независимые государства некоторыми членами мирового сообщества. Однако помимо них непризнанными государствами по сей день остаются Нагорный Карабах и Приднестровье. Сами конфликты, упомянутые выше (включая и те случаи, где обеспечено частичное признание), не разрешены политически. Все это не может не вызывать беспокойства внешних игроков, так как споры вокруг статуса и перспектив образований с «оспоренным» (определение Гэйл Лапидус) и «подвешенным» (определение Александра Янниса) суверенитетом грозит превращением их в очаги нестабильности.

Конечно, в своих устремлениях непризнанные республики поддерживались внешними силами, преследовавшими собственные интересы. В условиях прямого военно-политического противостояния «материнского образования» с территорией, стремящейся к сецессии, чреватого нарушением определенного баланса сил и статус-кво, внешнее вмешательство практически неизбежно. К слову сказать, данная практика не является российским ноу-хау. Взять хотя бы поддерживаемую Анкарой Турецкую Республику Северного Кипра или бывший сербский автономный край Косово, чья самостоятельность выглядела бы проблематично без прямой помощи США и стран Евросоюза.

Юго-восток Украины: новая площадка для непризнанных республик

Украинский кризис привел не только к смене власти в Киеве и новому витку противостояния между Западом и Россией, но и спровоцировал серьезный кризис политической идентичности граждан независимой Украины. Снова, как и в начале 1990-х гг., актуализировался запрос на

самоопределение и формирование своей государственности, даже в тех случаях, когда состоятельность такого проекта без поддержки извне была неочевидна и даже сомнительна.

В апреле 2014 г. провозглашены Донецкая, Луганская, Харьковская, Одесская народные республики. Однако после начала АТО (антитеррористической операции, как украинские власти определили действия против сторонников самопровозглашенных образований Донбасса) до референдума о статусе непризнанных республик дошли только ДНР и ЛНР. После трагических событий 2 мая в Одессе стало ясно, что у сил пророссийского «анти-Майдана» в городе и области нет достаточных ресурсов. Что же касается сторонников Харьковской народной республики, то, по словам члена координационного совета движения Юрия Апухтина, они «не смогли согласовать вопросы» и не «сошлись в формулировках» с представителями двух донбасских республик.

В итоге референдум о статусе состоялся только в Донецкой и Луганской областях. В результате вооруженного противостояния с центральной властью (которое достигло пика в июле-августе нынешнего года) ДНР и ЛНР утратили контроль над многими населенными пунктами (Мариуполь, Славянск, Краматорск). Но эта борьба радикализовала позиции ополченцев и сделала их диалог с Киевом (несмотря на имеющиеся противоречия в их стане) намного более проблематичным. На момент подписания Минского протокола 5 сентября 2014 г. две донбасские республики контролировали территорию в 16 тыс. км², на которой проживало 4,5 млн человек. Зона контроля включала областные центры Донецк и Луганск, а также такие ключевые населенные пункты, как Новоазовск, Горловка, Макеевка.

С формально-юридической точки зрения две республики Донбасса не получили признания даже со стороны Москвы. Еще на начальной стадии конфликта президент Владимир Путин на совместной пресс-конференции с действующим председателем ОБСЕ 7 мая 2014 г. обратился к лидерам ДНР и ЛНР с просьбой перенести намеченные на 11 мая референдумы о статусе вне Украины. Реакция Москвы на волеизъявление жителей Луганской и Донецкой областей, обнародованная 12 мая 2014 г., также отличалась сдержанностью. В сообщении пресс-службы президента РФ было сказано, что Россия «с уважением относится к волеизъявлению населения Донецкой и Луганской областей и исходят из того, что практическая реализация итогов референдумов пройдет цивилизованным путем, без каких-либо рецидивов насилия, через диалог между представителями Киева, Донецка и Луганска». «В интересах налаживания такого диалога приветствуются любые посреднические усилия, в том числе по линии ОБСЕ», – отметил тогда Кремль. В этом же духе выдержаны и документы «Минского процесса», подписанные в сентябре. Более того, МИД России, традиционно критично настроенный к любым украинским инициативам, поддержал законопроект «Об особом порядке самоуправления отдельных районов Донбасса», внесенный Порошенко для рассмотрения в Верховной Раде: «Рассчитываем, что все положения закона будут ответственно выполняться. Очевидно, что попытки известных политических групп на Украине отменить его или изменить его существо вновь отбросят ситуацию к конфронтации на юго-востоке, подорвут усилия международного сообщества и здравых политиков в самой стране по нормализации». Даже выборы 2 ноября 2014 года в двух донбасских республиках Москва предпочла трактовать, как «одно из важнейших направлений Минских договоренностей», признав при этом итоги избирательной кампании в Верховную Раду Украины.

В то же самое время Россия фактически выступает военно-политическим гарантом существования ДНР и ЛНР. И без ее деятельной позиции наступление украинских войск и Национальной гвардии на Донецк и Луганск в конце августа могло бы завершиться успехом Киева. О политике России в вооруженном конфликте на территории Донбасса иной раз принято рассуждать как об иррациональных и неясных до конца действиях. Между тем подходы Москвы поддаются несложному объяснению. С одной стороны, после присоединения Крыма и нескольких волн санкций против Российской Федерации, последовавших за этим, российское руководство не заинтересовано в углублении и без того острых противоречий с Западом. Тем более что открытое присоединение территорий Восточного Донбасса (с населением, превышающим численность жителей Крыма и разрушенной в ходе многомесячных боев инфраструктурой) легло бы дополнительным бременем на бюджет (несопоставимым с косвенной поддержкой двух непризнанных республик).

С другой стороны, для Кремля не представляется возможным повторение сценария «Сербская Краина-1995», когда сепаратистские силы, ориентированные на «государство-патрона» терпят сокрушительное поражение, а их инфраструктура полностью ликвидируется. При таком итоге «государство-патрон» лишается возможности влияния на соседнюю страну и широкого международного дипломатического торга вокруг определения ее перспектив с учетом собственных

интересов. Как следствие, поддержка «минского статус-кво» как лучшего из возможных вариантов.

Однако стоит обратить внимание на два момента. И протокол, и меморандум, заключенные по итогам работы «трехсторонней контактной группы» по Украине в Минске, подписаны представителями ДНР и ЛНР. Без формального признания они ответственны за реализацию условий перемирия (и за обмен пленными, и за соблюдение режима прекращения огня). Они же (а кто еще?) рассматриваются в качестве субъектов «инклюзивного национального диалога» на Украине. Определенный вклад в институционализацию двух республик вносит и сам Киев. Речь идет, в первую очередь, о проектах двух законов «Об особом порядке самоуправления отдельных районов Донбасса» и «Про недопущение преследования и наказания участников событий на территории Донецкой и Луганской области». Критики Порошенко выступали против этих инициатив неспроста, поскольку они косвенным образом (не в строго юридическом, а в политическом смысле) признали за территориями, подконтрольными двум донбасским республикам, особое положение среди других регионов Украины.

Новое Приднестровье или новый Донбасс?

Представители ДНР и ЛНР обозначили в качестве «своих» территорий не нынешнюю конфигурацию, а Луганскую и Донецкую области целиком (проект же «Новороссия» и этим не ограничивается). Однако, как известно, политика – это искусство возможного. К слову сказать, другие непризнанные образования стоят перед той же проблемой, когда заявленная ими территория и реальный контроль над ней не совпадают. Так в ходе военных столкновений с Азербайджаном в начале 1990-х гг. Нагорный Карабах потерял контроль над Шаумяновским районом. Южная Осетия до августа 2008 г. не контролировала села так называемого «Лиахвского коридора» и Ахалгорский район, а Абхазия – Кодорское ущелье (обеспечение безопасности и интеграция Гальского района, и в особенности, паспортизация и предоставление гражданства грузинскому населению этой территории до сих пор остается острой проблемой для Сухуми).

Нынешний кризис вокруг Украины далек от разрешения. Ситуация может качнуться в ту или иную сторону в зависимости от широчайшего спектра проблем (энергетика, противостояние Запада и России, отношения Киева и Москвы, кампания по выборам в Верховную Раду, противоречия внутри украинских элит и многое другое). Однако если процесс деэскалации, начатый в Минске, с трудом, но будет реализовываться, у ДНР и ЛНР появляется реальная возможность на выстраивание своей де-факто государственности. Хотя бы в имеющихся сегодня территориальных форматах.

Никаких гарантий, что этот процесс пройдет успешно не существует. Во-первых, среди украинских политиков независимо от их партийной принадлежности существует консенсус относительно территориальной целостности страны. Даже по поводу статуса Крыма, что уж говорить о Донбассе. «Нам для того нужен режим прекращения огня как можно дольше, чтобы получить и свои высокоточные приборы, и военную и финансовую помощь Запада», – заявил Юрий Луценко. Оценки советника президента Порошенко, сделанные им за несколько дней до выборов в Верховную Раду, конечно же, необходимо рассматривать с поправкой на жесткую избирательную кампанию в условиях вооруженного конфликта. Тем не менее, данный подход сегодня является ведущим в украинском внутреннем дискурсе. И в этой связи сценарий силового изменения «минского статус-кво» более чем реален. Он может проходить либо в формате «Сербской Краины» (удача для центральной власти и провал двух непризнанных республик), либо по лекалам югоосетинской авантюры Михаила Саакашвили, которая привела к признанию бывшей грузинской автономии и провалу политики «собирания страны».

Однако, помимо фактора Киева и поддержки украинской территориальной целостности Западом важны внутривнутриполитические реалии. Именно они обеспечили выживание Абхазии, Приднестровья или Южной Осетии, и, напротив, стали препонами для развития ичкерийского национально-государственного проекта.

Говоря о внутренних ресурсах для развития, следует отметить, что по численности населения и по территории две республики Донбасса превышают любое из имеющихся де-факто образований постсоветского пространства. Для сравнения, площадь Приднестровья составляет 4 163 кв. км, а численность населения там оценивается в 555 тыс. человек. В Абхазии на площади 8,7 тыс. кв.км проживает около 243 тыс. человек (грузинские статистики дают цифру 178 тыс. человек). Южная Осетия –

это 3,84 тыс. кв. км и различные оценки численности населения – от 8 до 72 тыс. человек. Нагорный Карабах имеет более сложную политико-географическую конфигурацию из-за

оккупации пяти районов целиком и двух частично за пределами бывшей Нагорно-Карабахской автономной области и утратой некоторых частей своей «заявленной территории». Но его население оценивается в 137 737 человек.

Донбасские образования сегодня стало модно сравнивать с Приднестровьем. По словам Эрика Ливни и Тома Коупа, они «были добывающими и промышленными центрами своих метрополий, обладали похожим человеческим капиталом и ресурсной базой. В советском плановом хозяйстве им отводилась роль производственных центров, притягивавших внутреннюю миграцию из числа (преимущественно русских) инженеров, техников, шахтеров, металлургов. Это наследие дает им преимущество по сравнению с тремя крошечными этническими анклавами на Кавказе, которые исторически сосредотачивались на туризме (Абхазия) и сельском хозяйстве (Южная Осетия и Карабах)». Но если не брать за основу некоторые внешние сходства, существуют и принципиальные различия. У истоков приднестровского проекта стояли производственники («красные директора»), имевшие значительный управленческий опыт не только на региональном, но и на общесоюзном уровне (не говоря уже про депутатство в Верховном совете Молдавии). До распада СССР будущие лидеры Приднестровской Молдавской республики уже имели за плечами два года политической борьбы, которая позволила кристаллизовать идеологию и приоритеты (вопрос о языке, сохранении Советского Союза, а после его распада – отношений с Россией и Украиной, нахождении 14-й армии на Днестре). Но даже по сравнению с Крымом, где движение за присоединение к РФ возглавили лидеры, сделавшие успешную политическую или бизнес-карьеру в период украинской независимости (Сергей Аксенов, Алексей Чалый, Владимир Константинов) на Донбассе дефицит опытных кадров. На первые роли здесь вышли те, кто был в тени или на вторых ролях, маргиналы, оттесненные представителями Партии регионов. То есть теми, кто многие годы успешно конвертировал свою «пророссийскую позицию» в лояльность Киеву и кто в течение последних нескольких лет до «второго Майдана» представлял всю Украину целиком.

В отличие от Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха в вооруженном конфликте на Донбассе отсутствует четко выраженный этнический момент. И русские, и украинцы есть по обе стороны баррикад. Но даже фактор территориальной консолидации, работающий при отсутствии четких этнических разделительных линий в Приднестровье (где вокруг проекта ПМР объединялись в разное время и русский Игорь Смирнов, и украинец Евгений Шевчук, и молдаванин Григорий Маракуца), в Донбассе не стоит переоценивать. Выходцы из этого региона есть как в рядах ополчения, так и среди украинских добровольческих батальонов и Национальной гвардии. Население Донбасса расколото относительно видения перспектив как региона, так и Украины в целом. При этом за донбасские республики воевали не только граждане России, но и выходцы из других областей Украины, недовольные «вторым Майданом» и политикой новой власти. Стоит также отметить и пассивность значительной части населения, готовой к поддержке того, кто в итоге окажется сильнее.

Между тем де-факто государство – это не только опыт конфликта и военно-полевого менеджмента, но и навыки его укрощения в тот момент, когда необходимо консолидировать власть и повернуть народную стихию к рутинной работе (как это было в Нагорном Карабахе в период президентства Аркадия Гукасяна). Иначе на выходе получается «федерация полевых командиров» в ее ичкерийском формате. Следовательно, без привлечения «специалистов» (включая и бывшую региональную и местную бюрократию) не получится, поскольку на одной героике экономические и социальные проблемы не решишь, а всякая слава имеет тенденцию уменьшаться при столкновении с повседневными заботами. И приднестровский проект, и национально-государственное строительство в непризнанных образованиях Закавказья сопровождалось и выстраиванием собственной «исторической политики» (в которой помогали профессиональные историки, журналисты, политологи), а также собственных экономических стратегий. Вопреки стереотипам, позиция Москвы далеко не всегда была в пользу поддержки непризнанной государственности (особенно в 1990-х начале 2000-х гг. на фоне конфликта в Чечне) и де-факто образования полагались во многом на собственные рецепты выживания и мобилизации ресурсов.

Не стоит забывать, что выстраивание институтов ДНР и ЛНР будет начинаться в условиях де-факто разделенного Донбасса и раскола в умонастроениях его жителей. В этом контексте сила примера в выборе лояльностей станет крайне важным фактором. Не зря многие украинские эксперты, не склонные к шапкозакидательству и показному патриотизму, предлагают отпустить Восточный Донбасс в «свободное плавание», показав ему некий позитивный пример. Понятное дело, с позитивом на сегодняшней Украине явный дефицит, а апелляция к опыту Западной Германии 1949–1989 гг. выглядит необоснованной натяжкой. Но здоровое зерно в данных рассуждениях имеется. Без своей элиты на одной лишь военно-политической поддержке Москвы

привлекательного образа не построить и «вторым Приднестровьем» не стать. И в этом плане популярные ныне эгалитарные идеи и некое демонстративное пренебрежение «умниками» (которые отождествляются с настроениями в пользу Киева и Запада) требуют, как минимум, значительной корректировки. Многие эксперты справедливо отмечают, что подобная политика оттолкнула от лидеров Донбасса многих потенциальных союзников. Это и профессорско-преподавательский состав вузов, недовольный украинизацией и не согласный с победой «второго Майдана», и бизнес (отпугиваемый постоянными разговорами руководства ДНР и ЛНР о «национализации» и необходимости «раскошелиться для народа»), и управленцы, изначально готовые «подняться против переворота в Киеве». Очевидно, что без поддержки этих групп трудно наладить текущую работу, сохранить элементарный порядок и сделать заявку на альтернативу украинскому государственному проекту. Что, кстати, отчасти удавалось и удается Приднестровью при сравнении с Молдавией. Неслучайно даже такой известный критик российской политики и приднестровской «квазигосударственности», как Оазу Нантой, в интервью Международной кризисной группе заявил, что «не столько силен приднестровский сепаратизм, сколько слаба молдавская государственность».

Сила или слабость украинской власти станет не менее важным фактором для развития ДНР и ЛНР. В данном случае речь идет не о жесткой военной силе. В случае украинских успехов на ниве экономического реформирования, национального строительства, минимизации коррупции, достижения более высоких стандартов жизни (какими бы труднодостижимыми ни казались эти цели) властям двух непризнанных республик будет трудно поддерживать идеи о пользе «затягивания поясов» и необходимости мобилизации перед лицом угрозы Киева. Хотя бы в силу того, что эксплуатировать этнический фактор, который используется в Закавказье, для них проблематично.

Таким образом, «минский процесс», вызванный невозможностью украинского блицкрига – с одной стороны, и неготовностью Москвы к признанию ДНР и ЛНР, а также к мультипликации крымского опыта на юго-востоке Украины – с другой, обозначил возможность превращения Донбасса в новый полигон для непризнанной государственности. Траектория развития двух республик этого региона еще формируется, в ней много сложных переменных, требующих качественного решения. Но уже очевидно: чтобы с самопровозглашенными республиками стали всерьез считаться (вопрос о признании в данном случае не так уж принципиален) нужна эффективная работа по выстраиванию властных институтов. Перед ними также стоит задача преодоления всесилия полевых командиров, налаживания хозяйственной деятельности и формирования элиты, понимающей (при всей ограниченности ресурсов и возможностей) свои перспективы. На этом пути возможны варианты в диапазоне от Чечни и Сербской Краины до приднестровского опыта. Или формированию уникальной донбасской модели.

Глобальная политика глазами российской элиты

Анализ данных опросов 1993–2012 гг.

Эдуард Дмитриевич Понарин – ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий лабораторией сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ

Борис Олегович Соколов – младший научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ

Резюме Мышление в терминах холодной войны распространено в высших кругах России, но это не столько фундаментальная характеристика, сколько разочарование от неудачной попытки войти в «первый мир»

Текущая ситуация на Украине практически никем не воспринимается как её внутреннее дело. И отечественные, и западные аналитики видят за происходящим на территориях непризнанных Донецкой и Луганской народных республик не просто выяснение отношений между сепаратистски настроенными жителями окраины и центром, но противостояние Соединенных Штатов (и в меньшей степени других стран НАТО) и России, едва ли не новый виток холодной войны. Эксперты, однако, расходятся во мнениях относительно причин кризиса.

Одни усматривают его истоки в росте экспансионистских настроений российской элиты. Наиболее радикальные сторонники данной позиции сводят все к имперским амбициям российского президента. Другая группа аналитиков указывает на значительную роль в эскалации конфликта на востоке Украины агрессивного курса США и НАТО. Постоянное расширение блока на восток и попытки контролировать внутреннюю политику ближайшего соседа России вызвали естественное противодействие Москвы. Указанные позиции различаются не только относительно того, «кто виноват», но и – «что делать»: вменение вины за развязывание конфликта автоматически определяет содержание взаимных претензий сторон и потому является ключевым аспектом при выработке стратегии деэскалации напряженности.

Выбор между двумя полярными точками зрения (равно как и компромиссной, возлагающей вину на обе стороны) во многом зависит от информации, доступной обозревателю. Традиционная внешнеполитическая аналитика, как правило, строится вокруг обезличенного понятия национальных интересов. Правительства рассматриваются как рациональные агенты, стремящиеся максимизировать выгоды в геополитической игре. Однако стандартизированные представления о том, как видят ситуацию непосредственные участники политического процесса – государственные деятели высшего ранга, дипломаты, военачальники, «капитаны индустрии» и ответственные за формирование и трансляцию соответствующей информации населению, – зачастую упрощают ситуацию.

Исследование российских элит американского политолога Уильяма Циммермана дает наглядное представление о том, что думают отечественные руководители о современной ситуации на международной арене и месте России в мире. С 1993 по 2012 гг. проведено шесть социологических опросов, респондентами которых выступили люди, занимающие высокие позиции в российском обществе. Участников можно разделить на семь групп: военные, представители медиа, деятели образования и науки, чиновники (представители исполнительной ветви власти), депутаты законодательных структур, занимающиеся международными отношениями (члены профильных комитетов в обеих палатах парламента), руководители госкорпораций и ведущие бизнесмены. Им задавались вопросы о приоритетах внешней политики России, основных средствах достижения ключевых целей на международной арене, внутренних и внешних угрозах национальной безопасности и т.д.

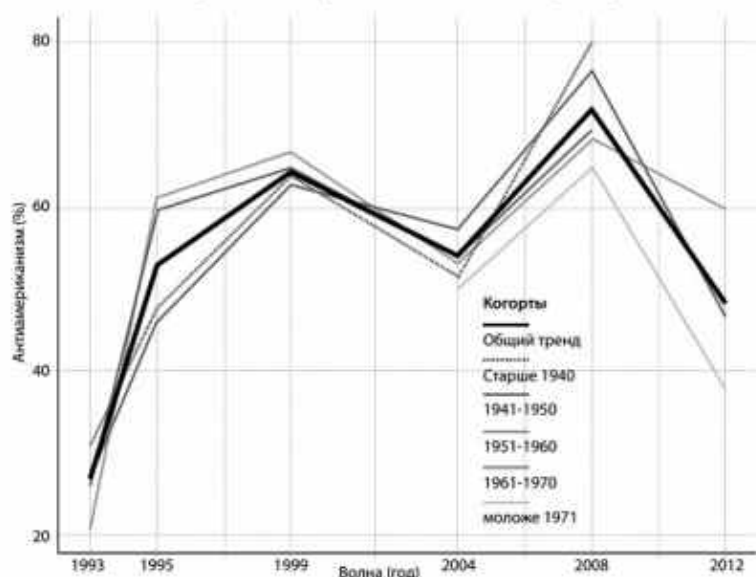
Применительно к текущей ситуации вокруг Украины наибольший интерес представляют взгляды российской элиты по следующим проблемам: российско-американские отношения, национальные интересы и эффективность различных способов достижения внешнеполитических целей, а также их эволюция с течением времени. Ниже представлены данные по ответам на три вопроса:

1) «Считаете ли вы, что США представляют угрозу для безопасности России?» Варианты ответа: да/нет.

2) «Существуют различные мнения о национальных интересах России. Какое из двух утверждений ближе к вашей точке зрения: а) национальные интересы России по большей части должны быть ограничены ее нынешней территорией; б) национальные интересы России по большей части простираются шире, чем ее нынешняя территория».

3) «Я зачитаю вам два высказывания о роли военной силы в международных отношениях. Какое из них ближе к вашему мнению: а) военная сила в конечном счете всегда будет все решать в международных отношениях; б) экономический, а не военный потенциал страны определяет сегодня ее место и роль в мире». Статистика показывает, что со временем все больше

График 1. Восприятие США как угрозы:
данные по пяти возрастным когортам и шести волнам опроса российских элит

Линии на графике отражают изменения процентной доли респондентов, считающих, что политика США представляет угрозу национальной безопасности России, по каждой когорте в отдельности. Жирным выделен общий тренд.

представителей российской элиты считают: политика Соединенных Штатов представляет угрозу для национальной безопасности (График 1). Настроения отечественного истеблишмента могут колебаться в зависимости от текущей ситуации – пики 1999 г. и 2008 г. отчетливо соотносятся с кризисами в российско-американских отношениях, вызванных конфликтом в Косово и российско-грузинской войной – но общий тренд не вызывает сомнений: в 1993 г. лишь четверть опрошенных видела в политике США угрозу национальной безопасности, тогда как даже в относительно «либеральном» 2012 г., когда еще не была окончательно свернута объявленная Медведевым перезагрузка, такие взгляды разделяла почти половина опрошенных.

Среди множества теорий, объясняющих происхождение антиамериканизма в России, наибольшей популярностью пользуются две: ситуативная и инструментальная. Согласно ситуативной теории, рост антиамериканизма в стране носит временный характер и связан с текущим состоянием отношений. Когда отношения обостряются, как было в 1999 г. или 2008 г., появляется негатив к оппоненту. Ситуативная теория подкрепляется данными массовых опросов, однако среди элит всплеск антиамериканских настроений произошел еще до событий, рассматриваемых экспертами в качестве катализаторов антиамериканизма. Резкий рост негативных установок по отношению к Соединенным Штатам среди элит отмечается уже в 1995 году. Это можно связать с событиями боснийской войны, но они вспыхнули еще в 1992 г., и позиция Запада и США в частности была хорошо известна с самого начала. Тем не менее в 1993 г. большая часть российской элиты рассматривала Америку скорее как партнера, а не врага.

Сторонники инструментальной теории полагают, что неприязнь к Соединенным Штатам была искусственно сконструирована могущественными группировками для достижения конкурентных преимуществ в электоральной борьбе, а затем использовалась в модусе «идеологии осажденной крепости». Консолидация авторитарного режима обеспечивалась необходимостью противостоять внешней угрозе, которую увязывали с агрессивными империалистическими и якобы русофобскими действиями Америки. В пользу этой теории также можно найти эмпирические свидетельства. Если сравнить динамику изменения отношения к США истеблишмента и масс (График 2), то очевидно, что рост антиамериканизма среди элит опережает соответствующий тренд среди основной части населения. Вполне вероятно, что антиамериканизм в России действительно транслируется сверху.

Это, однако, не объясняет распространение негативного отношения к США среди самой элиты.

Инструментальное использование социальных настроений может вести к т.н. эффекту манипулятора: человек начинает верить тому, в чем убеждает других. Но в таком случае рост антиамериканизма среди элиты должен следовать за распространением антиамериканских взглядов по стране в целом, тогда как данные свидетельствуют об обратном. Это наводит на мысль том, что должна существовать какая-то иная, обойденная вниманием исследователей причина стойкого негативного отношения к Соединенным Штатам российской элиты. Как представляется, корректное альтернативное объяснение распространения антиамериканизма в России можно построить на основе идеи ресентимента, предложенной в работах Ли Гринфельд.

Само понятие «ресентимент» было введено Фридрихом Ницше в «Генеалогии морали». Изначально термин использовался для обозначения ситуации, при которой позитивная ориентация на некоторый объект, стремление к обладанию им сталкивается с невозможностью его обретения; в результате позитивное чувство трансформируется в отрицание ценности первоначальной цели. Гринфельд адаптирует концепцию ресентимента для того, чтобы объяснить распространение националистических идеологий в Европе в XVIII–XIX веках. С помощью этого понятия она обозначает феномен формирования негативных установок национальной элиты, а затем и масс, по отношению к какой-либо стране, прежде служившей образцом для развития. По мысли Гринфельд, эффект ресентимента проявляется следующим образом: в одной стране опыт реформ, произведенных в другой, сначала воспринимается как эталонный, но если заимствование этого опыта не приводит к достижению поставленных целей, то у населения развивается разочарование, перерастающее в агрессивную неприязнь к государству, бывшему ранее образцом. Особую роль в этом процессе играют элиты (в первую очередь интеллектуальная элита), которые сначала создают некий идеал, на который призывают равняться (Англия для французских интеллектуалов первой половины XVIII века, Франция для немцев времен наполеоновских войн и т. д.), а затем, по мере разочарования, переходят в оппозицию к своим недавним кумирам.

Похожее явление имело место и в постсоветской России. Крах надежд на улучшение социально-экономической ситуации с переходом от социалистической к рыночной системе, а также к новой форме правления сказался на отношении к США. Во время перестройки младшие поколения с оптимизмом смотрели в будущее; Америка была своего рода ориентиром для изменений в собственной стране. Кроме того, на волне эйфории, вызванной окончанием холодной войны, заокеанская супердержава воспринималась как будущий союзник и партнер, способный сделать многое для улучшения ситуации в России. Резкое снижение уровня жизни и ухудшение международного положения страны, вызванные реформами начала 1990-х гг., поубавили оптимизм сторонников демократии и рыночной экономики. Разочарование в первую очередь отразилось на отношении к Соединенным Штатам, которые, вопреки чаяниям адептов

График 2. Динамика отношения к США: сравнение элиты и масс (1993–2009 гг.)

На графике представлены как результаты опросов Цимермана за 1993–2012 гг., так и данные по общероссийскому уровню антиамериканизма, полученные в ходе совместного проекта Ричарда Роуза и «Левада-центра» «Новый русский барометр» за 1993–2009 годы. В рамках опросов «Нового русского барометра» респондентам задавался вопрос, практически идентичный по формулировке тому, который включен в анкету исследования Цимермана. Единственным отличием является то, что в «Новом русском барометре» (за исключением первых двух волн) предлагалось не два, а четыре варианта ответа: «нет», «скорее нет», «скорее да», «да». Для сравнимости двух шкал данные Роуза были перекодированы в бинарную переменную.

либеральной идеологии, практически ничего не сделали для того, чтобы привести Россию в «светлое будущее».

Рост недоверия и враждебности к США, который обнаруживают социологические опросы, стал естественным следствием крушения радужных надежд времен перестройки. Осознав, что Россия не оказалась в одночасье полноправным членом западного мира, что переход к демократии и рынку вызвал к жизни множество проблем, в решении которых западные партнеры не собирались помогать, что страна фактически превратилась из сверхдержавы во второстепенного актора международных отношений, многие представители российской элиты обвинили в этом Вашингтон. Неспособность соответствовать политическим и экономическим институтам западных демократий вызвала отторжение этих ценностей, равно как и страны, их олицетворяющей.

Соединенные Штаты не только не приложили особых усилий к тому, чтобы помочь России относительно безболезненно пережить реформы, но откровенно воспользовались слабостью бывшего соперника. Америка заняла место России в Восточной Европе (и не только там), став единственной в мире сверхдержавой. К тому же либеральные реформы, целью которых было не только сближение нашей страны с западным миром, но и преобразование политической и хозяйственной жизни самой России, сопровождались социально-экономической катастрофой.

Уже к 1995 г. большая часть российской элиты стала воспринимать США как угрозу безопасности и порядку в России (как раз на это время пришелся первый этап расширения НАТО на восток, а ВВП России приблизился к минимуму). Но это ощущение еще не переводилось на уровень политики. Более того, поскольку люди во власти зависели от той идеологии, которая к власти их привела, по телевизору продолжался разговор о «возвращении в семью цивилизованных народов». Вследствие этого антиамериканизм масс, зависевших от информации, преподносимой СМИ, значительно отставал от ощущения элит. Однако финансовый кризис 1998 г. окончательно похоронил надежды на то, что либеральные реформы повысят благосостояние. Косовский кризис и бомбардировка Белграда самолетами НАТО в 1999 г. со всей очевидностью продемонстрировали, что Россия утратила статус державы, с которой нужно считаться. В этот момент разочарование верхушки достигло такой степени, что выплеснулось на экраны телевизоров. В результате антиамериканизм широких слоев населения стал подтягиваться к уровню элит.

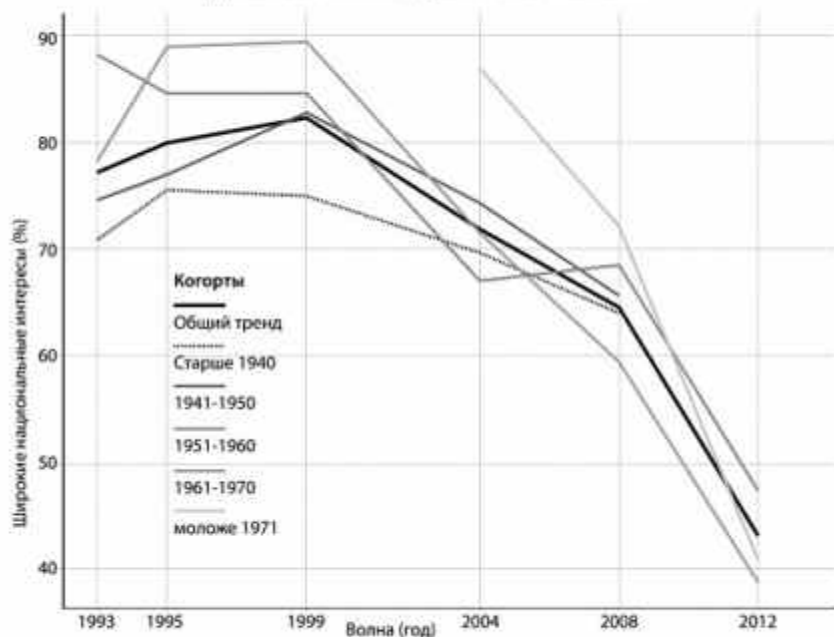
Распространяясь на массовом уровне, антиамериканизм стал самостоятельным фактором внутренней политики. Те политические силы, которые пытались его игнорировать (например, «Яблоко»), исчезли с политической арены. Остальные с разной степенью искренности отвечают на запрос, тем самым поддерживая установившиеся в обществе настроения. Младшие поколения, выросшие в относительно благополучные нулевые годы, были изначально более спокойно настроены к США, тем более что на место «значимого другого» претендовали мигранты. Но

каждый новый кризис в международных отношениях, один из которых мы сейчас наблюдаем в связи с Украиной, втягивает российскую молодежь в русло антиамериканских настроений.

Кризисы консолидируют и народ, и элиты, которые сплачиваются перед лицом внешней угрозы. Тем самым антиамериканизм в России приобретает инструментальное измерение, которое год от года становится все более значимым фактором при выработке внутри- и внешнеполитического курса.

Готовы ли, однако, российские власти пойти дальше, чем просто использовать образ агрессивной Америки в качестве пугала, позволяющего канализировать негативные настроения россиян и избежать серьезных внутривнутриполитических

График 3. Определение сферы национального интереса России: данные по пяти когортам за 1993–2012 гг.

Линии на графике отражают изменения процентной доли респондентов, выбравших «расширенную» трактовку национальных интересов, по каждой когорте

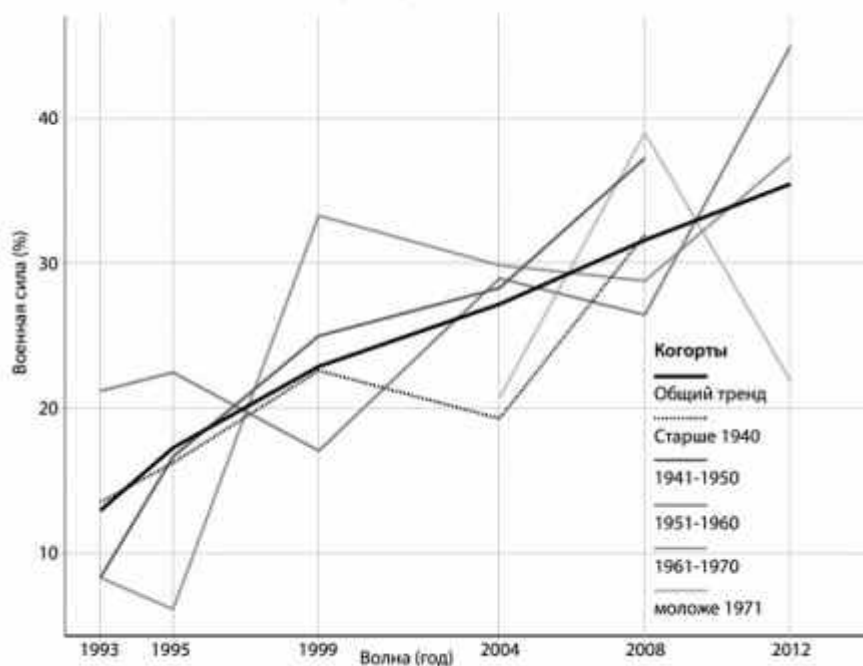
потрясений, и перейти к открытому противостоянию с Соединенными Штатами? Согласно мнению, распространенному среди западных экспертов, российскому правящему классу свойственны экспансионизм и имперские амбиции. Фактические данные, однако, не вполне согласуются с подобной интерпретацией. Напротив, со временем все меньше людей среди тех, кого можно причислить к власти имущим в России, полагают, что страна должна вовлекаться в большие имперские проекты в дальнем, а в последнее время – даже в ближнем зарубежье. Если в начале 1990-х гг. за активную внешнюю политику выступало почти 80% респондентов опросов элит, то в 2012 г. таких было всего 43,8% (График 3). Если посмотреть на то, как мнения по этому вопросу распределяются в различных профессиональных группах внутри элиты, то наибольшей поддержкой «широкая» трактовка национальных интересов пользуется среди представителей законодательных органов (64%), медиаструктур (57,4%), а также деятелей науки и образования (61,3%). Наименьший процент сторонников экспансионистской внешней политики наблюдается среди бизнес-элиты (23,5%) и, что очень неожиданно, среди военных (28,6%). Правительственные чиновники и высокопоставленные сотрудники госкорпораций также склонны ограничивать сферу национальных интересов страны ее границами. Объяснением этого парадоксального наблюдения может служить тот факт, что образование и культура, медиапространство и законотворческие институты являются сегодня наиболее идеологизированными сферами общественной жизни, в то время как представители тех правительственных структур, которые так или иначе связаны с международными отношениями, склонны в большей степени руководствоваться соображениями *Realpolitik*.

Подобная интерпретация, в частности, подтверждается тем, что респонденты, принадлежащие к группе «медиа», несмотря на свою приверженность широкой концепции национальных интересов, убеждены, что на международной арене решающую роль играет «мягкая сила» (так считают 85,3%). Наибольшее (по сравнению с другими профессиональными категориями, фигурирующими в опросе) значение вооруженным силам придают военные и представители исполнительной ветви власти: 70,6% и 45,5%, соответственно.

Вместе с тем из приведенных данных не следует, что российская власть смирилась с положением второстепенной державы. Эти цифры лишь означают, что средний эшелон власти все больше представлен людьми, в глазах которых внутренняя политика и дела ближнего зарубежья имеют большее значение для российских национальных интересов, чем претензии на глобальное лидерство. Неясно, однако, является ли этот тренд признаком «прагматизации» и отхода от «романтической» имперской риторики. В любом случае, даже в 2012 г. от 40 до 50% (в зависимости от возрастной категории) представителей элиты придерживались «широкой» концепции национальных интересов. Причем среди старших возрастных категорий (занимающих в общем случае более высокие должности) подобные взгляды были распространены в несколько большей степени. Следует также учитывать, что респондентами опроса Циммермана являются люди, представляющие условно среднюю группу элиты; те, кто сейчас принимают основные внешнеполитические решения, по понятным причинам труднодоступны для ученых-социологов.

Тем не менее все меньше и меньше людей в элите продолжают мыслить роль страны на международной арене в терминах глобального лидерства. Число уверенных, что именно военная сила является решающим фактором международных отношений,

График 4. Роль военной силы в международных отношениях: данные по пяти когортам российской элиты за 1993–2012 гг.

Линии на графике отражают изменения процентной доли респондентов, считающих, что военная мощь играет решающую роль во внешней политике, по каждой когорте

напротив, увеличивается. В 1993 г. таких было 12,3%, а в 2012-м – уже 35,4 процента (График 4). В каких случаях использование военной силы может быть оправдано в глазах элиты? Для понимания нынешней ситуации важную роль играет следующее наблюдение: в 2012 г. большая часть опрошенных была согласна с тем, что войска можно использовать для защиты интересов русскоязычного населения в странах бывшего СССР. Процент рассматривающих угнетение русскоязычного населения как повод для военной интервенции сопоставим с долей тех, кто полагает допустимым использовать силу по таким поводам, как защита экономических интересов страны или поддержание баланса сил с Западом: 68,9% против 70,6% и 69%, соответственно – хотя здесь и не наблюдается такого единогласия, как в вопросах защиты территориальной целостности и национальных интересов (>99% в обоих случаях).

Данные свидетельствуют, что в большей степени правы аналитики, указывающие на роль агрессивной политики Запада в развязывании текущей конфронтации. Российская элита действительно недружелюбно относится к США – но эта нелюбовь во многом вызвана политикой Америки и Запада в целом в отношении России: пренебрежение, игнорирование национальных интересов, откровенно оскорбительные для национального престижа русских агрессивные акции против их союзников и партнеров, манера обходиться с Россией как с побежденной – вовсе не этого ожидали отечественные лидеры от перестройки и окончания холодной войны.

Подобное отношение привело к тому, что антиамериканизм стал неотъемлемой составляющей мировоззрения правящих кругов Российской Федерации. Однако данную разновидность антиамериканизма не стоит рассматривать как фундаментальную идеологическую характеристику российского истеблишмента; это всего лишь обида, которая могла бы со временем пройти. Спад антиамериканских настроений среди элиты в 2012 г. показывает, что Америка вовсе не была абсолютным злом в глазах среднего эшелона власти. Конфликт не был неизбежен и с учетом того, что элита все более и более укреплялась во мнении, что страна не должна преследовать глобальные геополитические цели. Все больше представителей правящего класса соглашались, что сфера национальных интересов ограничивается непосредственно пограничными территориями. Хотя эти люди относились скорее к среднему властному эшелону, с течением времени они плавно перешли бы на руководящие позиции и строили внешнюю политику исходя из собственных убеждений, тогда как нынешние «ястребы» постепенно утрачивали бы силу.

Обострение ситуации на Украине и последующий кризис в российско-американских отношениях значительно снизил вероятность реализации подобного сценария.

Нынешний всплеск «экспансионизма» и «реваншизма», однако, вовсе не был неизбежным или даже ожидаемым. Хотя ряд высших должностных лиц, включая президента Владимира Путина, делали заявления, которые можно было бы интерпретировать как намерение восстановить СССР или просто расширить сферу влияния Москвы, такие декларации редко подкреплялись реальными действиями. Даже создание Евразийского экономического союза вряд ли может рассматриваться как попытка собирания земель – так как политической независимостью ни одна из стран-участниц не делится. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве вполне соответствуют общемировым тенденциям к унификации правового поля, регулирующего экономические взаимодействия в рамках крупных географических регионов. Налаживание тесного сотрудничества с сопредельными государствами вовсе не означает, что высшие должностные лица России грезят возрождением империи; подобное утверждение требует строгого доказательства, пока еще никем не предоставленного. С неменьшим основанием официальная риторика может рассматриваться как попытка сыграть на соответствующих чувствах населения и обеспечить политическую стабильность.

Последние данные, доступные в рамках исследования Циммермана, датируются 2012 годом. Можно с солидной долей уверенности утверждать, что в текущий момент число представителей элиты, полагающих Соединенные Штаты враждебным государством, значительно выросло, равно как и число «ястребов». Так, массовые опросы показывают, что в 2014 г. антиамериканские настроения в России резко усилились. «Левада-центр» сообщает, что в мае нелюбовь россиян к американцам достигла исторического максимума: 71% граждан России заявили, что плохо относятся к Соединенным Штатам, тогда как в начале 1990-х гг. таких было меньше 10 процентов. Учитывая, что уровень антиамериканизма среди элит в предшествующие два десятилетия был выше, чем в среднем по стране, можно предположить, что людей с проамериканскими взглядами (по крайней мере готовых заявить о своих убеждениях публично) наверху осталось немного. Наверняка увеличилось среди элиты и число сторонников экспансионистской политики, и число «ястребов», полагающих, что основным инструментом разрешения международных споров является военная сила.

Анализ данных, полученных в ходе опросов российской элиты, позволяет сделать следующие выводы. Большая ее часть считает американскую внешнюю политику вызовом национальным

интересам. США являются не просто бутафорским монстром, «врагом» для внутреннего потребления, но действительно воспринимаются многими высокопоставленными русскими как прямая и явная угроза. В глазах самой элиты подобное отношение не в последнюю очередь вызвано действиями американского правительства. Вместо того чтобы способствовать скорейшей интеграции России в мировое сообщество (как того ожидала отечественная элита), американцы воспользовались временной слабостью основного конкурента для достижения локальных геополитических целей и не предприняли никаких попыток сгладить огромные экономические и репутационные издержки, понесенные Российской Федерацией в ходе реформ.

Тем не менее, хотя биполярное мышление в терминах холодной войны достаточно распространено среди представителей высших кругов российского общества, оно не является фундаментальной характеристикой их мировосприятия, а в большей степени диктуется обидой и разочарованием от неудавшейся попытки вхождения в «первый мир». Однако каждая последующая конфронтация между Россией и Америкой укрепляет данный тип мышления и способствует все большему его распространению, в результате чего власть ради сохранения поддержки – как на уровне элит, так и на уровне масс – вынуждена проводить все более жесткую внешнюю политику.

Российская элита не претендует на глобальное господство. Вместе с тем она рассматривает ближнее зарубежье как естественную сферу национальных интересов. Не вызывает сомнений, что нынешние российские лидеры готовы использовать вооруженную силу для защиты интересов страны, в том числе и на территории сопредельных государств. Является ли подобная позиция угрозой для кого бы то ни было или просто отражает естественный ход мыслей любой национальной элиты – вопрос другого рода. Однако это необходимая вводная информация, которую должен учитывать любой партнер – или оппонент – России при начале переговоров по выходу из кризиса и выстраивании конструктивной линии межгосударственных отношений.

Исторический опыт России – это нескончаемая, многовековая борьба за собственный суверенитет

Игорь Яковлевич Фроянов

доктор исторических наук, профессор исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

– Игорь Яковлевич, в настоящее время альманах «Развитие и экономика» готовит тематический номер, посвященный проблематике суверенитета. Понятно, что вопросы культуры, исторического самосознания народа, ощущения им собственной идентичности являются основополагающими для обеспечения национального суверенитета. И при этом ничуть не менее значимыми, чем вопросы укрепления обороноспособности страны или поддержания ее экономической независимости. Вы – профессиональный историк. Поэтому прежде всего у Вас хочется спросить, как Вы себе представляете вот этот, скажем так, культурно-исторический фронт отстаивания государством своего собственного суверенитета?

– Мне кажется, что культуру нельзя воспринимать как нечто рафинированное, замкнутое в определенных рамках и границах. Культура, на мой взгляд, это безбрежная стихия. Стихия, связанная с мировосприятием того или иного народа. И культура с этой точки зрения мне представляется способом постижения мира. Разумеется, такие способы постижения мира бывают разные – в зависимости от того, с каким этносом мы имеем дело. Ведь у каждого этноса, у каждого этнического образования свой исторический опыт, свои знания о прошлом, свои представления о настоящем и, конечно же, свой взгляд на будущее. Эти элементы, составляющие сознание этноса, предопределяют тот способ, с помощью которого данный этнос постигает мир.

– То есть этническое начало в культуре Вы считаете определяющим?

– Этническое начало является если не определяющим, то чрезвычайно важным. И абстрагироваться от этого начала, мне кажется, ни в коем случае нельзя. Иначе мы создадим какую-то искривленную историческую картину.

– Хорошо, а в таком случае вообще допустима ли какая-то унификация на уровне крупных социальных общностей – таких, как этнос? Ведь, скажем, для марксистской схемы этническое начало вообще не существовало. Эта схема постулировала общие закономерности, которым рано или поздно – но обязательно – оказываются подверженными все без исключения общества. Сейчас в нашей исторической науке никакой обязательной методологии нет. Кто-то просто описывает факты прошлого, кто-то увлекается постмодернистскими интерпретационными практиками. Но все так или иначе пытаются отыскать какую-то новую – работающую в реалиях XXI века – модель для понимания прошлого. А такая модель – это по определению очередная унификация. Совместим ли Ваш взгляд с точки зрения этнического начала с какими-либо унификационными схемами?

– Да, безусловно, существуют общие принципы людского бытия, но они преломляются у того или иного этноса в конкретных его особенностях – исторических, ну и, наверное, биологических и антропологических тоже. Возьмем, например, такую характерную особенность любого народа, как национальный темперамент. Он же ведь является отражением каких-то природных качеств того или иного народа. Есть явления, характерные для людей как для популяции в целом. И эти явления, эти общие элементы по-своему отражаются в жизни каждого этноса. Что я имею в виду в данном случае? Марксизм выдвигал на первый план классы и классовую борьбу, то есть межклассовые противоречия. Гегель тоже утверждал, что противоречие является неременной причиной любого развития. «Противоречие ведет вперед», – говорил великий диалектик. С философской точки зрения это, безусловно, так. Но в плане конкретно-историческом временами бывает, что противоречие ведет не вперед, а назад, как случилось, например, с нами и нашей страной в результате политики Горбачева и Ельцина. Мне же кажется, что в человеке, человеческом общежитии природой заложено противоречие между индивидуальным и общим. То есть между индивидуальным интересом отдельной личности и общим интересом, сводящимся к обеспечению существования и развития социума в целом. При этом надо иметь в виду, что по ходу общественной эволюции, усложнения социальной структуры интерес индивидуальный нередко принимает характер групповой, классовый. На этой основе – на противостоянии двух уровней интересов – и происходит, как мне кажется, движение социальной жизни. Два противоречивых – и, казалось бы, несовместимых – элемента приходят в соприкосновение, столкновение. Между ними возникает соперничество, начинается борьба. В историческом аспекте это проявляется в том, что на определенном этапе исторического развития преобладает индивидуальный, частный интерес. Но так бесконечно продолжаться не может, потому что еще есть и интересы социума – общественные интересы, и они тоже стремятся быть реализованными, ибо в противном случае разорвутся все общественные связи, что угрожает самому существованию коллектива, общества, а

следовательно, и личности. Ведь еще Аристотель говорил, что человек вне общества – либо бог, либо зверь. Но богами, увы, нам стать не дано... И вот наступает момент, когда эти общественные интересы берут верх над интересами индивидуальными, чтобы люди окончательно не озверели и, простите за прямоту, не сожрали друг друга. Возникает новая конфигурация соотношения между индивидуальными и общественными интересами с преобладанием последних над первыми – на какой-то период, разумеется. Исторический процесс тем и характерен, что любое подобное соотношение в принципе неустойчиво. Но эта неустойчивость как раз и гарантирует историческую динамику, то есть развитие, эволюцию. Отсюда, замечу попутно, – революции, войны и прочие общественные потрясения.

– А как тогда на это противоречие индивидуального и общественного накладывается этническое? Какая тут вырисовывается картина?

– Конечно, на борьбу индивидуального и общественного интересов, безусловно, влияет и этническое начало – но именно как вносящее специфику в оба противостоящих друг другу интереса. Поэтому главное здесь, как я уже подчеркнул, это именно два начала – индивидуальное и общественное – и их взаимные противоречия. Хотя, конечно, по мере продвижения от индивидуального к общественному степень значимости этнического начала – точнее, степень воздействия этнического начала – возрастает. Потому что само по себе объединение людей по этническому признаку – это объединение общественное. Но опять-таки важно подчеркнуть и обратную зависимость: общественное самоощущение возникает только на каком-то определенном этническом основании. Саму эту социальную общность можно почувствовать, лишь находясь внутри общности этнической.

– Понятно. Получается, что и культура выстраивается по этому алгоритму. То есть этническое начало, которое максимально проявляется на общественном уровне, выстраивает культуру, в которой ему, этому началу, наиболее уютно себя чувствовать?

– Да, я бы сказал, что в такой культуре создаются наиболее благоприятные условия для этого этнического начала.

– Хорошо. Вот мы с Вами сейчас беседуем в Петербурге – городе, построенном русским упорством, немецким гением, голландским мастерством, французским талантом и так далее. И в то же время Петербург – это столица Российской империи, город великой русской культуры. Разве тут нет противоречий?

– А что Вас смущает?

– Понимаете, с одной стороны, конечно, русская культура перерабатывала все эти инокультурные вкрапления, и они шли ей только на пользу, это очевидно. Но с другой стороны, конфликт культур всё же имел место – и это было заметно именно в императорский период, особенно в пореформенную эпоху и в последние годы существования самодержавной России. Ведь до Александра III русское начало как бы отодвигалось на задний план. То есть его никто не запрещал, естественно, но оно практически не включалось в официальные культурные образцы. Эталон, своего рода нормой культурного поведения являлось некое унифицирующее европейское начало. Россия из всех сил стремилась быть европейской державой и поэтому всячески позиционировала именно европейскую составляющую своей идентичности.

– Согласен, отмеченный Вами перекося в сторону Запада, безусловно, нельзя считать нормальным. Но давайте взглянем на проблему иначе. Когда такой перекося начался? При Петре. А когда он стал исправляться? Вы сами сказали – при Александре III, то есть более чем через полтора века. Но ведь разворот в направлении национальной культуры все-таки произошел. Дело в том, что культурные процессы всегда чрезвычайно длительные. Иногда требуются века, чтобы некая тенденция освободилась от перекося и перешла в режим устойчивого развития. Вот в России перекося в сторону западной культуры начал исправляться при Александре III. Если бы Российской империи историей было отведено еще время, то, может быть, через несколько десятилетий западные и национальные элементы культуры образовали бы органичный культурный сплав. Но еще раз – культурные процессы всегда требуют длительного времени. Мы же часто судим, исходя из собственных ощущений времени, а оно для нас всегда краткосрочно и скоротечно. Отсюда, быть может, и возникает такого рода проблема в нашем сознании. На территории нашей страны за всю ее историю различные культуры не только враждовали друг с другом, но и образовывали жизнеспособные и устойчивые связи. Одно трансформировалось в другое. Но на это уходили десятилетия и даже столетия. В Древней Руси между князьями существовала такая поговорка: «Рать стоит до мира, а мир – до рати». Вот он – круговорот, одно переходит в другое. Так оно было на протяжении всех времен. И мне кажется, что эти слова вполне применимы и к сегодняшнему дню.

– Игорь Яковлевич, теперь вопрос, который я просто не могу не задать Вам как профессиональному историку. Какие правители из нашей 1152-летней уже истории обеспечивали нашей стране оптимальное развитие, а значит, наилучшим образом поддерживали ее суверенитет – политический, культурный и прочий?

– А почему Вы считаете, что нашей истории 1152 года?

– Ну, как же? В 862 году Рюрик стал княжить в Новгороде. Это событие – своеобразная точка отсчета истории нашего государства...

– Считать так – значит допускать очень серьезную ошибку. Дело ведь не в Рюрике, а в государстве как институте, как, если хотите, историческом феномене. Сводя вопрос о возникновении нашей государственности к призванию варягов, мы встаем на заведомо ложный путь. Да, я прекрасно понимаю, что в общественном сознании такое представление засело довольно прочно. К тому же это представление было недавно – в 2011 году – усилено указом тогдашнего президента России Медведева «О праздновании 1150-летия зарождения российской государственности», исходившего также из названной Вами «точки отсчета». Скажу так: дело это вовсе не новое – своими корнями оно уходит в дореволюционное прошлое. Еще за полтора века до нынешнего празднования «зарождения российской государственности» состоялись аналогичные торжества в Новгороде, сопровождавшиеся открытием памятника «Тысячелетие России». Между тем государство – это очень сложный институт, который возникает постепенно, складывается на протяжении довольно длительного времени. Этот институт обладает рядом существенных характеристик, признаков. Среди них – наличие публичной власти, то есть власти, оторванной от основной массы соплеменников. Здесь же надо назвать и материальное обеспечение этой публичной власти в различных формах – в древности это дань, полюдь, кормления и иные формы платежей. Очень важная характеристика государства – размещение населения по территориальному, а не по родственному принципу. Эти характеристики государства складываются на протяжении очень длительного времени, не сразу, сначала один, потом другой, третий. И только когда перед нами некая целостность названных характеристик, полный их комплект, мы можем говорить о том, что государство есть в наличии, что оно в основных своих чертах сложилось. По моим наблюдениям, генезис государственности в Древней Руси начался в VI веке и продолжался до конца X века. В конце X – начале XI века все три перечисленных признака были налицо – и мы можем делать вывод, что на тот момент государство у нас уже возникло. Следовательно, датировать каким-то определенным годом начало или зарождение нашей государственности нельзя. Это очень существенная методологическая ошибка.

– Тогда получается, что более корректным является не новгородский памятник работы Микешина, Шредера и Гартмана, а воздвигнутый в Киеве в начале 80-х годов прошлого века в контексте празднования 1500-летия города памятник его основателям – Хориву, Кию, Щеку и Лыбеди?

– В ту пору, в начале 80-х, с большой помпой отмечали эту дату и, надо сказать, подъему этого украинизма способствовали московские историки, в частности, такой авторитет, как Борис Александрович Рыбаков. Он активно поддерживал идею празднования полуторатысячелетия истории Киева...

– Так разве же это был украинизм? Тогда это было вполне патриотичное общесоюзное мероприятие, призванное подчеркнуть древность столицы нашей общей колыбели – Киевской Руси. Причем мероприятие с весьма любопытными намеками. Не знаю, правда, было ли это сделано преднамеренно или получилось случайно, само собой. Ведь если отсчитать от того празднования 1500 лет назад, то выходит, что Киев был основан буквально сразу после падения Рима под натиском варваров в 476 году. Рим пал – Киев возник. Любопытно, правда?

– Ну, говоря об украинизме, я пользуюсь современными терминами, конечно...

– Так вот, я возвращаюсь к своему вопросу. Какие, на Ваш взгляд, правители точнее всего ощущали собственную миссию как создателей державы, острее чувствовали те исторические вибрации, в соответствии с которыми осуществляли свою власть, выстраивали ее стилистику, что в конечном итоге работало на укрепление государства и на упрочение его суверенитета?

– Из правителей Древней – или Киевской – Руси я бы в первую очередь назвал троих: Владимира Крестителя, другого Владимира – Мономаха, и – может, Вам это покажется странным – Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Мне представляется, что Всеволод Юрьевич до сих пор по достоинству не оценен в исторической науке, потому что находится в тени своего старшего брата – Андрея Боголюбского. Это и понятно: Андрей Юрьевич канонизирован, он был очень ярким, эмоциональным и даже непредсказуемым правителем. Этими качествами князь привлекал внимание современников, и поэтому летописцы подробно описывали его деяния. Но если проанализировать результаты правления Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, то первый заметно уступает второму. Всеволод заложил фундамент будущей Руси – Руси Московской.

– Понятно, почему Всеволода Большое Гнездо недооценивают по сравнению с Андреем Боголюбским. Правление Всеволода пришлось на последнюю четверть XII – начало XIII века. С одной стороны, эта эпоха – расцвет домонгольской Северо-Восточной Руси. Но с другой – это уже канун приближавшейся катастрофы. И понятно, почему так высоко ставят Андрея Боголюбского. Именно при нем началось возвышение Владимиро-Суздальской земли, то есть, по сути, нового центра государственности. Опять же с его именем связаны первые чудеса на Руси Владимирской иконы Божией Матери. А Всеволоду, видимо, просто не повезло, потому что после него фактически уже не было продолжительного стабильного периода времени, который бы демонстрировал результаты его государственной деятельности.

– Вы знаете, мы несколько искаженно представляем себе значение Северо-Восточной Руси именно того времени. Довольно распространенным в дореволюционной, советской и даже новейшей историографии является мнение, будто центр древнерусской государственности переместился с юга, из Киева, на

северо-восток. Но справедливо и другое утверждение – что центр государственности переместился из Киева и на юго-запад, в Галицко-Волынскую землю. Великий Новгород всё это время – и даже позже, в эпоху Московской Руси, – постоянно боролся за суверенную государственность с теми же владимиро-суздальскими князьями. Я не отрицаю перемещение центра русской государственности на северо-восток, но просто отодвигаю это событие на заметно более позднее время.

– *Вы сказали, что Всеволод Большое Гнездо заложил основу, на которой возводилась Россия вплоть до своего императорского периода. Если схематично, что это за основа, что собой представляла эта модель Всеволода Юрьевича?*

– Это модель притяжения других земель к новому – северо-восточному – центру государственности. Всеволод оказался эффективным правителем, и к нему потянулись. И соседнее Рязанское княжество, и Смоленское княжество, и Великий Новгород. К концу своего правления он сумел собрать вокруг Владимира те земли, которые впоследствии находились во владении владимирских князей, давших ход формированию Московской Руси.

– *В основе любого политического суверенитета всегда лежит какая-то идея, интегрирующая культурная модель. Была такая модель предложена Всеволодом? Или же об этом применительно к эпохе Всеволода говорить пока преждевременно?*

– Мне кажется, что модель, о которой Вы говорите, стала складываться всё-таки позже – в условиях экстремальных, с нашествием татар, когда лоб в лоб столкнулись две культуры, две цивилизации и встал вопрос – быть или не быть нашему народу. В этих чрезвычайных условиях русская культура получила очень сильный импульс для своего развития. Не случайно ведь как раз при татаро-монгольском иге завершается всеобщая христианизация на Руси. В XIV веке начинается строительство уже новой Руси – Святорусского Царства. Этот процесс растянулся на два века и был завершён уже при Иване Грозном.

– *Игорь Яковлевич, вот мы и подошли к одной из наиболее интересных проблем в нашем прошлом – да в общем-то также в настоящем и будущем. Правильно ли я Вас понял, что именно в условиях мобилизации культура развивается наиболее интенсивно и особенно ярко манифестирует себя, предъясвляет собственную идентичность? А когда мобилизация ослабляется – спадает и напряженность такого культурного созидания? Ведь эпоха Святой Руси – это время предельной национальной мобилизации.*

– Конечно, я могу ошибаться, но мне кажется, что культура создается за счет как внутренних ресурсов народа, так и приобретенного исторического опыта. Подобный опыт наших предков заключался главным образом в совершенствовавшихся веками навыках противостояния внешнему давлению. Исторический опыт России – это нескончаемая, многовековая борьба за собственный суверенитет. Борьба велась и с суровыми природными условиями, и с другими народами, нападавшими на нашу землю с запада, юга и востока. Этому давлению – природному и этническому – надо было противодействовать. И успех такого противодействия напрямую зависел от того, насколько в нашем обществе были сильны коллективистские начала. Нужно было сбиваться вместе, соединяться, чтобы элементарно выживать в нашем климате и этническом окружении. Возьмите земледелие. В силу природных условий оно требовало очень больших усилий, которые были не по плечу отдельной семье – необходимо было соединение усилий больших трудовых коллективов. То же самое и с противостоянием внешней экспансии. Авары, хазары, печенеги, половцы, татары, литовцы, поляки, шведы, французы, немцы... От всех надо было отбиваться. Борьба велась на протяжении всей нашей истории и вплоть до сегодняшнего дня. Поэтому опыт противодействия природному и особенно этническому давлению воспитал в нас развитое чувство коллективизма. А коллективизм – это и есть способность к мобилизации. Когда мы осознаем угрозу собственному существованию, происходит мобилизация нации, причем часто даже стихийно, без указки сверху. Это одна наша особенность. Есть и другая особенность, вытекающая из нашей мобилизационной предрасположенности, – это уникальная способность к возрождению буквально из пепла. Сколько за всю нашу историю было примеров, когда враг прошел по русской земле, оставил за собой сожженные нивы, разоренные города и села. А через короткое время всё это возрождается – и снова мы видим жизнь в полной силе. Последний раз эта удивительная способность к возрождению была продемонстрирована после Великой Отечественной войны. Нам предрекали десятилетия разрухи – а мы восстановились за считанные годы.

– *Откуда такая энергетика? Каждая мобилизация требует колоссального напряжения сил. Откуда они? Сейчас, кстати, многие либералы говорят, что русские исчерпали свои жизненные ресурсы и более неспособны ни на какую мобилизацию.*

– Верить никому не надо, только Господу Богу.

– *Существует мнение, что Смута начала XVII века – это во многом результат чрезвычайной мобилизации нации при Иване Грозном. Якобы он так всех мобилизовал, как никаким монголам и не снилось. Отсюда надрыв. И как результат надрыва – обвал, Смута.*

– Это весьма распространенное рациональное объяснение. Его высказывали либеральные и демократические дореволюционные историки. Потом оно спокойно перекочевало в советскую историографию – с перерывом на непродолжительный период при Сталине, когда была предпринята попытка исправить историю Ивана Грозного, – а затем уже и в современную. Так вот, нельзя не

учитывать культурного – я бы даже сказал религиозного – фактора возникновения Смуты. Например, утверждают, что существенную роль в возникновении Смуты сыграл династический кризис. Но это какое-то уж очень «стерильное» объяснение. Слово «кризис» здесь ровным счетом ничего не объясняет. Это был не кризис – это была катастрофа, потому что пресеклась династия, которая правила на Руси сотни лет, со времени становления нашего государства. Здесь я имею в виду прежде всего те представления, которые транслировались летописцами и существовали в обществе. О том, когда на самом деле возникло Древнерусское государство, мы с Вами уже говорили. Династия Рюриковичей за столетия своего правления сакрализовалась. И это сакральное начало стало особенно ощутимым с появлением Святорусского Царства, русского, как выражались в XVI веке, самодержавства. Активнейшую роль в созидании и Святой Руси, и самодержавства играла Русская православная церковь. Поэтому государственное строительство, государственность как таковая не могли восприниматься только рационально. Эти явления воспринимались во многом с точки зрения религиозной, метафизической. И тут вдруг прервалась династия. Вы представляете, что это значило для человека начала XVII века? В этом событии увидели буквально начало эсхатологического финала истории, наступление конца света. Отсюда и Смута как естественная реакция верующего человека на события, к которым его перед этим всю его сознательную жизнь готовила Церковь. Понятно, конечно, что Церковь учила и учит иначе воспринимать наступление последних времен, но греховная человеческая природа берет свое... Свою роль в Смуте сыграл и Запад, воспользовавшись помутнением религиозно-политического сознания русского общества той поры. А что касается самого Ивана Грозного, то не надо забывать, что ему довольно долгое время после его кончины поклонялись как местночтимому святому. В XVII веке даже иконы его были написаны.

– *А потом произошла деканонизация? Или ее не было, и почитание как-то само собой прекратилось?*

– В том-то и дело, что никакой деканонизации не было! Другое дело, что потом не произошло его прославления на общецерковном уровне, но деканонизации как местночтимого святого тоже не было. Просто почитание как-то само собой прекратилось, угасло. Естественно, не без соответствующих шагов со стороны властей. Вообще Грозному очень не повезло. Его стали обвинять в причастности к убийству митрополита Филиппа и в разных других злодеяниях. Однако что произошло после Смуты? Вернулись к самодержавству – причем к самодержавству в той форме, какую оно обрело именно при Иване Грозном. Отсюда ясно, насколько прочным оказалось построенное им здание. Его не поколебали ни ослабление царской власти при Василии Шуйском, ни Семибоярщина, ни интервенты. О чем это говорит? О том, что самодержавство было у нас не рационально просчитанным способом управления, уложенным в одни лишь светские рамки, а в немалой степени религиозной формой власти. Самодержавная царская власть выступала в роли того самого «Удерживающего», о котором апостол Павел писал во Втором послании к Фессалоникийцам. Такой «Удерживающий» был особенно необходим Святой Руси, когда с конца XV века и на протяжении всего XVI века в нашем государстве существовали разные ереси, среди которых наиболее опасной являлась ересь «жидовствующих». «Жидовствующие» отвергали все те формы устройства государственно-церковной жизни, которые у нас складывались столетиями чуть ли не с принятия христианства при Владимире Святом и особенно в XIV-XV веках. Ситуация осложнялась еще и тем, что у «жидовствующих» были влиятельные покровители в правящем классе. Вы представляете, что бы было, если бы им удалось одержать верх? Что стало бы с Русской церковью – а значит, и с нашим государством? Есть такой современный историк Лев Поляков, он родился в России в 1910 году, но с юных лет жил в Париже, сравнительно недавно – в 1997 году – умер. Он написал книгу «История антисемитизма». И в ней, касаясь борьбы с «жидовствующими» в Московской Руси, Поляков бросает весьма примечательную фразу. Он пишет, что еще неизвестно, каким путем пошла бы Русь, если бы «жидовствующим» удалось реализовать свои замыслы, в частности, провести определенные «реформы» в Церкви... У нас нередко при взгляде в прошлое происходит подмена институтов личностями. Скажем, у какого-нибудь государя были плохие отношения с теми или иными церковными иерархами. Отсюда делается вывод: дескать, этот государь притеснял Церковь. А на самом-то деле это не так. Из московских государей только один Иван III – да и тот лишь на протяжении некоторого времени – проявлял нетвердость в православной вере.

– *Что Вы имеете в виду?*

– Иван III мирволил «жидовствующим», поддерживал и защищал их. А его супруга Софья Палеолог и сын – будущий Василий III – наоборот занимали последовательную антиеретическую позицию. Благодаря в том числе и их усилиям в начале XVI века состоялись церковные соборы, осудившие ересь. После этого свою позицию поменял и великий князь Иван III. Это произошло незадолго до его кончины. Великий князь уже был стар, немощен, болен, и его посетил преподобный Иосиф Волоцкий, который убедил Ивана III в том, что болезни и немощи – это воздаяние Господне за сатания в православной вере. Тогда-то Иван III резко изменил свою политику, стал преследовать «жидовствующих», чем поломал план еретиков, по которому престол после его смерти должен был перейти не сыну Василию, а внуку Дмитрию – сыну Елены Волошанки, которая возглавляла еретическую партию при дворе... Надо сказать, что никто из государей, кроме Ивана III, не проявлял подобных колебаний в православной вере. Конфликты между московскими властителями и церковными иерархами, конечно, возникали, но они, еще раз повторю, были межличностными, но ни в коем случае

не означали противостояния престолов – светского и духовного. Возьмем ту же историю с митрополитом Филиппом. Да, Грозный утратил к нему расположение. Но, во-первых, из этого автоматически не следует, что митрополит был убит по указанию царя. А во-вторых, необходимо учитывать и причину, по которой отношение Грозного к Филиппу резко изменилось в худшую сторону. Филиппа уговорили принять сан митрополита, но с условием, что он не станет вмешиваться в опричные дела. Филипп принял это условие и в знак данного обета целовал крест. А потом, выходит, нарушил эту клятву. Между тем для людей того времени клятвопреступление воспринималось как тягчайший грех. И как после этого Иван Грозный – сам глубоко верующий человек – должен был относиться к митрополиту? Нельзя не учитывать всех этих нюансов и деталей, если мы хотим реконструировать не заказную, а подлинную историю.

– Да, религиозность Ивана Грозного поражает. Помню, читал у Соловьева. Идет осада Казани, острый момент штурма, царь отдает приказания. Но тут наступает время всеобщей – и он тут же уходит в палатку, где располагалась его походная церковь. При этом отстаивает всю службу, несмотря на то что ситуация на передовой остается крайне напряженной.

– Вот наглядный пример религиозного сознания. Царь считает, что своей молитвой он ничуть не меньше – а то и больше – оказывает поддержку войску, чем непосредственно им командуя.

– А в послепетровской Российской империи Грозный – уже однозначно пример неправильного, деспотичного властителя...

– Нет, Петр еще очень высоко его ставил.

– Так я и говорю, что в послепетровской России.

– Когда мы говорим о послепетровской России, то нельзя не учитывать роль и влияние масонства в ней. Начиная со второй трети XVIII века масонство у нас стремительно набирало силу. Не случайно масонствующие историки стали негативно описывать правление Ивана Грозного. Я имею в виду хотя бы тех же Михаила Щербатова и Николая Карамзина. Их принадлежность к масонству известна. Что сделали эти историки? Они, собственно, стали излагать точку зрения Курбского, бывшего сначала сподвижником Ивана Грозного, а затем перешедшего на сторону Польши и Литвы. Курбский делил правление Ивана Грозного на два периода. Сначала был, так сказать, благотворный период, когда царь жил в дружбе с советниками, с Избранной Радой. А затем наступила эпоха злодейства и кровопролития, когда Грозный прогнал своих советников и стал править сам. Подобное представление об Иване Грозном в XIX веке стало весьма распространенным, сохраняясь так или иначе по сей день. Возникает вопрос, почему у масонствующих историков было отрицательное отношение к Грозному? Да потому что Грозный – это сугубо национальный лидер. А масоны ратуют за строительством новой мировой цивилизации, в которой не будет разделения на отдельные государства. При таком порядке весь мир станет управляться из единого центра. Поэтому Грозный для носителей этой идеологии и этих ценностей крайне неудобен, даже – враждебен. Дело дошло даже до того, что серьезнейшие историки – я в данном случае имею в виду Василия Ключевского – стали писать об исторической бессмысленности эпохи Грозного. И в советское время, как я уже отмечал, сохранялось подобное отношение к этому государю, за исключением некоторого периода при Сталине, когда была предпринята попытка ревизии сложившейся оценки Грозного. Хулителям Грозного пришлось умолкнуть и прятать свои творения об эпохе Ивана Васильевича в ящик письменного стола, ожидая более благоприятных времен, как это было, скажем, с академиком Степаном Веселовским. Но потом, когда Сталина не стало и состоялось развенчание культа личности, всё возвратилось на круги своя. Я бы даже сказал, что Грозному снова пришлось отвечать – теперь уже за своего почитателя Иосифа Сталина. Да и сегодня этот царь – как красная тряпка для всего либерального сообщества. Ну, о чем тут говорить, когда для таких современных либералов даже само жизненное пространство России, ее территория, обильно политая кровью наших предков, не являются священной ценностью. Казалось бы, надо беречь и сохранять складывавшееся веками государство. Враги окружали нас со всех сторон, сжимали, но территория потом, подобно пружине, расправлялась, увеличивалась, причем не для оккупации чужих земель, но ради укрепления национальной безопасности. Да и те народы, которые входили в состав России, делали это зачастую в целях самосохранения, поскольку только в составе нашей общей страны они могли жить спокойно и не опасаться внешних врагов. Вот почему разрушать наше общее геополитическое пространство – значит прежде всего идти против воли проживающих на нем народов. Наша страна после 1991 года и так разрезана по живому, мы и без того уже не в силах обеспечивать собственный суверенитет в том объеме, как нам это удавалось прежде.

– Игорь Яковлевич, мысль взять у Вас интервью возникла у меня, когда я в марте прочитал на портале «Русская народная линия» Вашу статью «Россия, наконец, сосредоточилась» о присоединении Крыма. Меня в ней особенно поразили Ваши наблюдения о просто чудесных совпадениях. Оказывается, 18 марта – в день, когда в Кремле в торжественной обстановке было подписано соглашение о вхождении Крыма в состав России, только в 1584 году, – скончался Иван Грозный, о котором мы сегодня много говорили. Также со ссылкой на слова архимандрита Тихона (Шевкунова) Вы отметили, что в этот же день Русская православная церковь вспоминает святителя Луку (Войно-Ясенецкого) – небесного покровителя Крыма. Но не только эти факты привлекли мое внимание. Как мне кажется, Вы очень метко описали переживаемое сейчас Россией состояние – как мобилизацию, прежде всего духовную

мобилизацию, как активизацию каких-то внутренних резервов и потенциалов, как зримое проявление того самого русского чуда, которое происходит в подобные переломные моменты истории. Название статьи – это парафраз знаменитого высказывания Горчакова, произнесенного им после поражения России в Крымской войне. То есть Вы более чем через полтора века ответили Горчакову?

– После горбачевской перестройки и особенно после беловежского переворота наш народ долго находился в оцепенении и не мог по-настоящему осознать, что же с ним произошло. Потом, конечно, осознал – но каким же горьким стало это прозрение! Казалось, что та борьба, которую с нами планомерно и систематически вел Запад с конца XV века, завершилась нашим полным разгромом. Но, к счастью, оказалось, что это не так. Да, мы многое потеряли, но еще остаемся силой, способной противостоять утверждению нового мирового порядка по западному сценарию. Однако наши противники не успокоятся до тех пор, пока Россия не будет полностью ликвидирована как активный геополитический субъект мировой истории. На этом фоне присоединение Крыма – важное знаковое событие, свидетельствующее о том, что мы перестали отступать и переходим в наступление, а лучше сказать – переходим в контрнаступление. Да, впереди еще очень много трудностей, но перелом уже наступил. Регенерация нашего исторического пространства начинается...

– *Игорь Яковлевич, я Вам чрезвычайно признателен за содержательную беседу, за те исторические факты, которые Вы привели и с которыми, как мне представляется, знакомы далеко не все читатели нашего альманаха. Мастерство историка определяется не только и даже не столько тем, насколько виртуозно исследователь подбирает мозаику из сведений источников, а тем, как тонко он чувствует вибрации прошлого и может их интерпретировать – уже с опорой на эту самую мозаику. Мозаика тут, безусловно, вторична. Необходима – но при этом всё-таки вторична. Большинство историков не понимают – или не хотят понимать – это. Вы же – один из немногих, относящихся к меньшинству. Очень хочется надеяться, что среди Ваших учеников – да и просто исследователей, выросших на Ваших работах о Древней Руси, – появятся ученые, которые будут так же чутко и внимательно относиться к интерпретациям прошлого, как это делаете Вы.*

Санкт-Петербург, 23 мая 2014

Современный человек: в поисках смысла

/ПРЕДИСЛОВИЕ/

Н. Г. Валенурова, О. А. Матвейчев

Сегодня в стране, на наш взгляд, психология как наука и как социальный институт переживает серьезный кризис. И этот кризис тем более опасен, чем он незаметнее, чем более он маскирует себя под «расцвет» и «взрыв интереса». Действительно, на поверхностном уровне мы можем наблюдать невиданное ранее количество публикаций на запрещенные в прошлом темы, множество переводов и переизданий дореволюционной литературы по зарубежной психологии. С каждым годом увеличивается количество вузов, готовящих специалистов-психологов, факультеты психологии становятся престижными. В обществе спрос на психологов также становится все более ощутимым: психологи требуются в детских садах, школах, медицинских учреждениях пенитенциарных учреждениях, службах занятости, отделах кадров коммерческих фирм, на производственных предприятиях и т. д. Увеличивается количество практикующих психологов, психотренеров и психотерапевтов. Все это так. Но это только один аспект, если можно так выразиться, количественный. Однако перехода количества в качество пока ожидать не приходится. Если внимательно приглядеться к тому, что именно сегодня преподается и популяризируется, что пользуется спросом у работодателей, какой образ психологии господствует в массовом сознании, в сознании студентов и молодых ученых, то мы увидим отнюдь не пеструю картину.

Первое, что нужно констатировать при анализе сегодняшней ситуации, это господство психоанализа в самых различных вариантах. Так, представителями одного из направлений являются З. Фрейд, К. Г. Юнг, Э. Фромм, К. Хорни, Э. Берн и др., а также их многочисленные ученики, последователи, интерпретаторы (например, транзакционный анализ Э. Берна, микропсихоанализ Э. Фанти, «соционика»). При всех различиях приверженцев этой психологии объединяет убеждение в определяющей роли бессознательного (как бы оно ни понималось) в человеческой психике. Вторым по популярности (особенно в клинической практике) направлением является «физиологическое». Приверженцев этой психологии объединяет убеждение в определяющей роли физиологического, телесного в человеческой психике, хотя доктрины очень разнятся. Здесь представители и отечественных традиций, выросшие на идеях И. Павлова, В. Бехтерева, П. Анохина, Ленинградской школы, и западных «современных» концепций, как, например, нейролингвистическое программирование (НЛП).

И тем не менее при всех претензиях на новизну оба направления берут свое начало в XIX–XX веках. Тогда же, собственно говоря, они достигли пределов своего развития и подверглись серьезной, основательной критике: на Западе – со стороны представителей гуманистической, когнитивной и экзистенциальной психологии, в России – со стороны культурно-исторической психологии Л. С. Выготского. При всей разности подходов всех этих критиков психоанализа, физиологизма и бихевиоризма отличало одно – стремление сохранить предмет психологии, не сводя его к предмету физиологии или антропологии.

К сожалению, сегодня именно эта, подлинная психология стала постепенно отодвигаться на второй план.

Для некоторых псевдопсихологов огромное наследие советской психологии, и прежде всего школы Л. С. Выготского, оказалось отвергнутым вместе со всем «советским» – как нечто тоталитарное, социалистическое, устаревшее, догматическое. И это в то время как на Западе мы наблюдаем новую вспышку интереса к культурно-исторической психологии. Часть современной молодежи меняет Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева на А. Адлера и Ф. Перлза, считая последних «более новыми». Видимо, должно пройти немало времени, прежде чем это чудовищное историческое недоразумение будет разрешено.

Что касается переводов и работ по гуманистической, когнитивной и экзистенциальной психологии, то следует отметить, что количество их невелико (в сравнении с лавиной переизданий З. Фрейда, К. Г. Юнга, Э. Берна, Р. Гриндера и Р. Бэндлера) и популярны они только среди ограниченного круга специалистов (как, например, популярна гуманистическая психология среди педагогов). На наш взгляд, именно возвращение к «вершинной психологии» (в противоположность всем «глубинным» психологиям психоаналитиков) будет и средством выхода из идейного кризиса, и достойным ответом возрастающим потребностям общества в специалистах-психологах.

Экзистенциальная психология – одно из направлений психологии XX века, выросшее как раз в полемике с физиологизмом и психоанализом, что делает ее чрезвычайно актуальной. В то же время экзистенциальная психология претендовала на то, чтобы быть самостоятельным направлением, и в лице многих своих представителей отмежевывалась от гуманистической и когнитивной психологии, выступая с их серьезной критикой. Поэтому опыт экзистенциальной психологии может стать вакциной против возможных в будущем подобных бездумных увлечений (человеку свойственно метаться из крайности в крайность).

И наконец, собственная судьба экзистенциальной психологии весьма показательна. Исходя из определенных теоретических предпосылок, она исчерпала определенные теоретические и практические возможности психологической науки и терапии. Однако, несмотря на все это, говорить об интересе к экзистенциальной психологии пока рано. Появились переводы, касающиеся этой области психологии, но очень мало публикаций содержащих глубокий анализ и обобщения.

Предлагаемая работа является попыткой восполнить этот пробел. Писалась она в середине 90-х годов XX века. Степень разработанности проблемы существования современного человека в отечественной литературе была в то время достаточно слабой. Не существовало ни одной монографии, ни одного диссертационного исследования, посвященного как экзистенциальной психологии в целом, так и отдельным ее представителям. В некоторых учебниках (например, учебнике М. П. Ярошевского) и словарях экзистенциальная психология рассматривается как часть гуманистической психологии, имена же основных представителей просто не упоминаются. Так, в отечественной литературе не было ни одного крупного исследования, посвященного К. Ясперсу, основателю экзистенциальной психологии, хотя на Западе он давно уже признан классиком, а его «Всеобщая психопатология» – одной из фундаментальных работ. Нам удалось обнаружить лишь несколько статей, посвященных творчеству Л. Бинсвангера, другого классика психологии XX века. Его имя не упоминается даже в психологическом словаре, хотя Л. Бинсвангер – потомственный клиницист, долгое время являвшийся президентом Швейцарского психоаналитического общества, постоянным корреспондентом З. Фрейда, действительным и почетным членом десятка академий, а в 1956 году ему была вручена высшая для психиатра награда – медаль Э. Крепелина. Невнимание отечественной психологии к Л. Бинсвангеру тем более странно, что первый его значительный труд «Введение в проблемы общей психологии» повлиял на Л. С. Выготского. И следы этого влияния можно обнаружить в важнейшей методологической работе «Исторический смысл психологического кризиса» (1927). Один из предшественников экзистенциальной психологии, Ф. Brentano, оказал серьезное влияние на другого крупнейшего советского психолога, А. Н. Леонтьева, но, к сожалению, ни теория Ф. Brentano, ни степень его влияния специально не исследованы.

Если вниманием обойдены Ф. Brentano, К. Ясперс и Л. Бинсвангер, то об остальных экзистенциальных психологах, каждый из которых был, между прочим, событием, именем в мировой психологии, и говорить не приходится. Творчеству М. Босса, Р. Лэнга, Р. Мэя посвящены единичные публикации, творчеству В. Франкла – лишь несколько статей, и то прежде всего благодаря тому, что В. Франкл сам приезжал в Москву, чем, бесспорно, способствовал появлению интереса к своей теории. Справедливости ради надо сказать, что попытка представить экзистенциальную психологию как целостное явление все-таки осуществлялась, но осуществлялась не психологом, а философом.

Можно отметить книгу А. Руткевича «От Фрейда к Хайдеггеру» (1985). Она весьма интересна, но имеет два существенных недостатка: 1) свойственную всей тогдашней литературе идеологическую предвзятость; 2) одностороннее изложение экзистенциальной психологии, которая рассматривалась только через отношение к фрейдизму. Необходимо также упомянуть недавно вышедшую монографию Ю. В. Тихонравова «Экзистенциальная психология». Но, как отметил сам автор, это скорее учебно-справочное пособие, поскольку оно имеет реферативный, а не исследовательский характер.

Между тем экзистенциальная психология является отдельным, самостоятельным направлением психологии XX века, имеющим свой предмет (переживания, порожденные проблематикой человеческого существования) и свой метод (феноменология), и не сводится ни к психоанализу, ни к гуманистической психологии, ни к философской антропологии. Проблема переживания социального бытия и его роли в становлении личности является стержневой проблемой для экзистенциальной психологии, проблемой, определившей как идейное развитие, так и границы практического, терапевтического применения концепций данного направления.

Важнейшим методологическим принципом исследования является принцип *приоритета первоисточника*. Несмотря на то, что, как указывалось выше, экзистенциальной психологии ни за рубежом, ни в России не уделялось достаточно внимания и в связи с этим исследователи не страдают от избытка критической или интерпретирующей литературы, тем не менее даже

существующие публикации уже успели задать некую традицию толкования экзистенциальной психологии. Эта традиция во многом предопределяет отношение исследователя (или просто ученого, практика) к экзистенциальной психологии, которое зачастую неадекватно, обременено всевозможными предрассудками, поверхностно и несправедливо.

Это происходит потому, что исследователь не задумывается над теми задачами, которые ставили себе критики и интерпретаторы экзистенциальной психологии. Так, например, если Р. Мэй ставил задачу отделения экзистенциальной психологии от психологии бихевиористской, то он помещал ее под рубрикой «гуманистическая психология» на том основании, что вся небихевиористская психология, по его мнению, является «гуманистической». Если кто-то ставил своей целью проследить истоки и терапевтический эффект, достигаемый экзистенциальной психологией, то он акцентировал внимание на общем комплексе конкретных доктрин, техник и, например, делал вывод, что «экзистенциальная психология – это всего лишь другое название гештальтпсихологии», и т. д. Часть авторов ставили своей целью проследить идейные истоки, так появлялось мнение, что «экзистенциальная философия – это прикладная феноменология». Некоторые авторы (А. Руткевич) рассматривали социальный контекст возникновения экзистенциалистских учений и называли экзистенциальную психологию формой «интеллектуального анархизма».

Примеров очень много. Последствия такого некритического отношения к самим критикам экзистенциальной психологии уже дали о себе знать и в нашей отечественной науке. Названные выше предрассудки по поводу экзистенциальной психологии получили прочную прописку. Поэтому, как всегда в таких случаях, появляется настоятельная потребность изучения первоисточников – текстов экзистенциальных психологов и авторов, оказавших на них непосредственное идейное влияние. В данном исследовании мы имеем дело, прежде всего с трудами К. Ясперса, М. Хайдеггера, Л. Бинсвангера, М. Босса, Р. Мэя, Р. Лэнга, В. Франкла и лишь отчасти – с трудами критиков и интерпретаторов.

Еще одним методологическим принципом построения всего исследовательского проекта служит идея *единства исторического и логического*. Предполагается, что проблемы, заложенные в период возникновения экзистенциальной психологии, предопределили логику ее исторического развития. Именно наличие этой имманентной логики, сохраняющейся вопреки всем внешним влияниям со стороны других школ, со стороны практики, со стороны социально-политической ситуации и проч., позволяет говорить об экзистенциальной психологии как о едином теоретическом и историческом течении. Включенность в эту логику является критерием, по которому мы определяем принадлежность того или иного автора к этому течению и его место в нем. Возможно, что не каждый объявляющий себя экзистенциальным психологом является таковым, не каждый из экзистенциальных психологов занимает в этом течении то место, которое он сам (или правоверные ученики) себе определяют (тем более что, как всегда в этих случаях, каждый считает себя самым великим, самым аутентичным).

Данный методологический принцип помогает встать по ту сторону частных амбиций ученых, а также определяет структуру работы, последовательность рассмотрения исторических фигур. Это последовательность не формально-хронологическая, а логико-историческая. Таким образом, требуется: а) показать *генезис* экзистенциальной психологии как самостоятельного направления, продемонстрировать *специфику ее предмета и метода*; б) выявить *сущностные предпосылки и допущения*, определяющие идейное развитие экзистенциальной психологии и ее терапевтической практики; в) определить *формы* взаимоотношения экзистенциальной психологии с другими школами и направлениями, степень *влияния* экзистенциальной психологии на общественные институты, определить *собственное место* этого направления в психологии XX века.

Объективными предпосылками возникновения экзистенциальной психологии стали: общий кризис конца XIX – начала XX века, связанный с коррекцией естественно-научной картины мира Нового времени, кризис в психологии (осмысляемый, в частности, Л. С. Выготским в работе «Исторический смысл психологического кризиса»), а также методологические исследования психологов В. Дильтея, Ф. Брентано, философов-неокантианцев и Э. Гуссерля, приведших к созданию нового метода – феноменологии.

Взросший объем кросскультурных исследований, подтверждающих главный тезис феноменологии о том, что к предмету исследования нельзя подходить с «внешней» меркой, и усилия культурно-исторических психологов Л. Выготского и Л. Лурия, создавших концептуальную матрицу для включения старых эмпирических наработок в новую парадигму, привели к необходимости, с одной стороны, онтологически обосновать новый метод (уникальность вместо инвариантности, – это теперь не только методологическое требование, но и онтологическая констатация), с другой – попытаться применить новую матрицу по отношению к новой культурно-

исторической парадигме (как материалистическая, биологическая психологии были сняты в культурно-исторической психологии, так и последняя должна быть снята в психологии экзистенциально-личностной).

Эти задачи (онтологизация феноменологии, превращение ее из метода в мировоззрение и разработка мировоззрения, исходящего из приоритета уникальной личности-экзистенции, без привлечения теологии) были решены в работах психолога и философа К. Ясперса и философа М. Хайдеггера. К. Ясперс и М. Хайдеггер задали проблематику, которую позже исследовали все экзистенциальные психологи (проблемы смерти, пограничной (критической) ситуации, вины, тревоги, заполнения экзистенциального вакуума, одиночества и проч.).

Расхождения между К. Ясперсом и М. Хайдеггером по вопросу взаимоотношения общества и личности определили в дальнейшем две ветви в экзистенциальной психологии (Ясперс: экзистенция как надстройка над социальным бытием; Хайдеггер: выведение социального бытия из экзистенции). Л. Бинсвангер, хотя и стал экзистенциальным психологом под непосредственным влиянием М. Хайдеггера в силу «продуктивного непонимания», развивал скорее ясперсовскую социально-центрированную версию экзистенциальной психологии и терапии. М. Босс, другой ученик Хайдеггера, развивал индивидуально-центрированную версию экзистенциальной психологии и терапии.

Проблема взаимоотношения индивида и общества, таким образом, является фундаментальной для экзистенциальной психологии, определяющей ее эволюцию и терапевтическую практику. Однако стоит отличать подходы к решению этой проблемы от подходов, принятых в других психологических школах. Культурно-историческая психология Л. Выготского также решала эту проблему. Можно сказать, что концепции культурно-исторической психологии и экзистенциальной психологии существуют по принципу дополнительности, поскольку культурно-историческая психология исследует континуальную историю личности и большое внимание уделяет проблемам опосредования, тогда как экзистенциальная психология исследует дискретную историю личности и сосредоточивает свой интерес на переживании катастроф, кризисов, разрывов постепенности, отсутствия смыслов, столкновений с чуждой социальностью и проч. Общим для культурно-исторической и экзистенциальной психологии является положение, что специфика личности во многом определяется тем, как будут выстраиваться отношения между ее внутренней уникальностью и ее вовлеченностью в различные социальные контексты.

Л. Бинсвангер повлиял на Р. Мэя, чья популяризаторская деятельность способствовала тому, что экзистенциальная психология стала известна в мире, особенно в США, и стала рассматриваться как одна из версий гуманистической психологии, поскольку и там и там практиковалось «лечение любовью». Эта ветвь экзистенциальной психологии стала выдавать себя за всю экзистенциальную психологию. Но даже в этом случае сведение экзистенциальной психологии к гуманистической психологии неправомерно, поскольку экзистенциальная психология, во-первых, сохраняет свою тематику и проблематику (осмысление смертности, тревоги, вины, одиночества и т. п.); во-вторых, критически относится ко многим традиционным темам гуманистической психологии (тема самоактуализации, тема психологических потребностей и проч.).

Версия М. Босса стала рассматриваться как экзотическая, маргинальная; ее влияние распространилось на деятелей контркультуры, ярчайшим представителем которой стал психолог Р. Лэнг. Влияние контркультурного движения конца 60-х годов оказалось столь велико, что привело к серьезному изменению отношения общества к психическим заболеваниям и методам лечения. Антипсихиатрия Лэнга дала серьезный гуманистический и практический эффект. В то же время она продемонстрировала полную несостоятельность фундаменталистских претензий экзистенциальной психологии.

Экзистенциальные психологи, с которыми ассоциируется современная экзистенциальная психология, такие, как В. Франкл, И. Ялом, отказываются от фундаментализма, свойственного Л. Бинсвангеру, М. Боссу, Р. Лэнгу и другим ученым, пытавшимся представить экзистенциальную психологию в качестве основной фундаментальной психологии, из которой другие психологические школы должны черпать понятия и методологические указания. В. Франкл ограничивает область действия экзистенциальной психологии «ноогенными неврозами» (невроз безработицы, невроз «отсутствия смысла жизни» и т. д.) и рядом специфических психологических техник, основанных на способности человека к трансценденции. Таким образом, экзистенциальная психология в лице ее современных представителей нашла свое место в психологической науке и культуре.

МУЗЫКАЛЬНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ:

Александр Порфирьевич БОРОДИН (Borodin, Alexandr Porphirevich), русский композитор и ученый-химик. Внебрачный сын князя Л. С. Гедианова, при рождении записан как сын крепостного слуги князя — Порфирия Бородина. В 1856 окончил Медико-хирургическую академию. С 1858 доктор медицины. В 1860-е гг. в Петербурге занимался научной, педагогической и общественной деятельностью. С 1862 адъюнкт-профессор, с 1864 ординарный профессор, с 1877 академик; с 1874 руководитель химической лаборатории Медико-хирургической академии. Был одним из организаторов и педагогов (1872—87) высшего учебного заведения для женщин — Женских врачебных курсов.

В 50-е гг. 19 в. начал писать романы, фортепианные пьесы, камерно-инструментальные ансамбли. В 1862 познакомился с М. А. Балакиревым, вошёл в Балакиревский кружок («Могучую кучку»). Под влиянием Балакирева, В. В. Стасова и других «кучкистов» окончательно сложились музыкально-эстетические взгляды Бородина как последователя М. И. Глинки, приверженца русской национальной школы в музыке, определился самостоятельный зрелый стиль композитора.

Творческое наследие Бородина сравнительно невелико по объёму, но является ценнейшим вкладом в сокровищницу русской музыкальной классики. В творчестве Бородина, представителя передовой интеллигенции 1860-х гг., отчётливо проходит тема величия русского народа, любви к родине, свободолюбия. Музыка его отличается эпической широтой, мужественностью, в то же время глубоким лиризмом.

Наиболее значительное произведение Бородина — опера «Князь Игорь», являющаяся образцом национального героического эпоса в музыке. Из-за большой загруженности научной и педагогической работой Бородин писал медленно. Опера создавалась в течение 18 лет, не была окончена (после смерти Бородина оперу дописали и дооркестровали по материалам автора Н. А. Римский-Корсаков и А. К. Глазунов; поставлена в 1890г., Мариинский театр, Петербург). Опера отличается монументальной цельностью образов, мощностью и размахом народных хоровых сцен, яркостью национального колорита. «Князь Игорь» развивает традиции эпической оперы Глинки «Руслан и Людмила». Бородин — один из создателей русских классических симфонии и квартета. Его 1-я симфония (1867), появившаяся одновременно с первыми образцами этого жанра у Римского-Корсакова и П. И. Чайковского, положила начало героико-эпическому направлению русского симфонизма. Вершиной русского и мирового эпического симфонизма является его 2-я (Богатырская) симфония (1876). К числу лучших созданий камерно-инструментального жанра принадлежат квартеты Бородина (1-й — 1879, 2-й — 1881). Композитор — тонкий художник камерно-вокальной музыки. Образец его вокальной лирики — элегия «Для берегов отчизны дальней» на слова Пушкина. Бородин впервые ввёл в романс образы русского богатырского эпоса, а с ними — освободительные идеи 1860-х гг. («Спящая княжна», «Песня тёмного леса» и др.). Писал также сатирические, юмористические песни («Спесь» и др.). Для творчества Бородина характерно глубокое проникновение в строй русской народной песни, а также музыки народов Востока (в «Князе Игоре», симфониях, симфонической картине «В Средней Азии»).

Творчество Бородина, яркое, самобытное, оказало воздействие на русских и зарубежных композиторов. Традиции Бородина продолжили советские композиторы (С. С. Прокофьев, Ю. А. Шапорин, Г. В. Свиридов, А. И. Хачатурян и др.). Велико значение этих традиций для развития национальных музыкальных культур народов Закавказья и Средней Азии.

Бородин — автор более 40 работ по химии. Ученик Н. Н. Зинина. Докторскую диссертацию написал на тему: «Об аналогии фосфорной и мышьяковой кислоты в химических и токсикологических отношениях». Разработал оригинальный способ получения бромзамещённых жирных кислот действием брома на серебряные соли кислот; получил первое фторорганическое соединение — фтористый бензоил (1862); исследовал ацетальдегид, описал альдоль и реакцию альдольной конденсации.

«Князь Игорь» — опера А.П.Бородина в четырёх действиях с прологом.

Источником для либретто, написанного самим автором при участии В. В. Стасова, послужил памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», рассказывающий о неудачном походе князя Игоря против половцев.

Премьера оперы состоялась 22 октября 1890 года в петербургском Мариинском театре.

18 апреля 1869 года на музыкальном вечере у Л.И. Шестаковой В.В. Стасов предложил композитору в качестве оперного сюжета «Слово о полку Игореве». Бородин с интересом взялся за работу, побывал в окрестностях Путивля, изучал исторические и музыкальные источники, связанные с описываемым временем.

Опера писалась в течение 18 лет, но в 1887 году композитор скончался, и опера осталась неоконченной. По записям А.П. Бородина работу завершили Александр Константинович Глазунов и Николай Андреевич Римский-Корсаков. Считается, что Глазунов по памяти восстановил увертюру, которую слышал в авторском исполнении на фортепиано (сам он опроверг эту легенду на страницах Русской музыкальной газеты). Он также почти целиком сочинил и оркестровал третье действие. Н.А. Римский-Корсаков оркестровал пролог, первое, второе и четвёртое действия и половецкий марш.

Бородин, Римский-Корсаков и, возможно, также А.К. Лядов вместе оркестровали сюиту «половецких танцев» второго акта, которая приобрела огромную популярность. В продолжении традиций оперы Глинки «Жизнь за царя», событийное развитие в сюжетной линии оперы «Князь Игорь» отражает грандиозность народных сцен с мощным звучанием хора, и в то же время, необычайные по красоте арии героев: Ярославны, Кончаковны, Владимира и Половецкой девушки

Александр Порфирьевич Бородин успел оркестровать часть пролога (всё, кроме «Сцены затмения»), речитатив и арию князя Владимира Галицкого (I картина I акта), арию Ярославны и её сцену с девушками (II картина I акта, 1879), каватину Кончаковны (II акт, 1869), речитатив и каватину князя Владимира (II акт), арию Кончака (II акт), плач Ярославны (IV акт, 1875), народный хор (IV акт, 1879) и финальную сцену IV акта — партитура для оркестра с участием тенора Ерошки, баса Скулы и хора.

Трио Игоря, Владимира, Кончаковны и финал третьего акта с хором, Кончаковной и Кончаком были написаны Бородиным и завершены Глазуновым, который впоследствии и оркестровал их в 1888 году.

Римский-Корсаков и Глазунов сами написали сцену II акта, с участием Кончаковны и хора в 1887 году.

Композиторы были дружны и работали в тесном кругу, потому музыкальный стиль оперы представляет художественную целостность. Несмотря на то, что Глазунов и Римский-Корсаков оркестровали большую часть музыки (часть которой совсем не была записана), последний настоял на том, что «Князь Игорь» — полностью опера Александра Порфирьевича Бородина — из книги А. Майкапара. Насколько это справедливо, можно судить, сравнив редакцию Римского-Корсакова и Глазунова с недавно изданной авторской редакцией оперы¹.

Премьера оперы прошла с большим успехом 23 октября (4 ноября) 1890 года в Петербурге на сцене Мариинского театра.

В прессе встречается мнение (основанное на работе Павла Александровича Ламма по реконструкции авторской версии оперы), что незавершённость «Князя Игоря» — в большой степени легенда и что вместо того, чтобы только оркестровать часть номеров, Римский-Корсаков и Глазунов предпочли заново переписать большую часть абсолютно завершённой автором музыки.

«Богатырская» симфония Бородина идеально соответствует своему названию. Эта симфония рождалась вместе с делом жизни Александра Бородина, вместе с оперой «Князь Игорь»: оба этих сочинения посвящены одной теме — благородству и величию русского богатыря, хозяина русской земли и ее защитника. Первая тема симфонии могла бы стать девизом и творчества Бородина и всей русской музыки. Она предельно афористична: краткий подъем-замах и два притопывающих «шага», возвращающих тему к начальному тону. Это тема-утверждение, тема-приказ, архаически неуклюжий и предельно монолитный. Такое вступление может открывать «Повесть временных лет» или другие «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой».

Вся первая часть «Богатырской» — это вариации на главную тему, рядом с которой все остальные мотивы выглядят отрывочно, фрагментарно, как оттеняющие интермедии. И мелькнувший было наигрыш «скоморохов», и мелодия «белых лебедушек», девичий напев — все меркнет перед темой-девизом и ее вариантами. То слышится суровая мужская пляска, то тревожное ожидание-«засада», то резкие удары мечей или скачка витязей в поле. Первая часть симфонии вполне соответствует названию «эпическая», которое часто упоминают в связи со всеми произведениями Бородина. Это название означает многое: и склонность к картинности, и преобладание изложения над развитием, и господство вариационности, и тяготение к сопоставлениям. И, конечно же, грандиозность, размах, широту.

Трудно найти в истории симфонической музыки другое сочинение, где основная тема так безусловно царила бы над всеми другими, как бы подавляя и «отпугивая» их; трудно представить, что одна мысль может заполнить собою все музыкальное пространство. Конечно, грозный голос и особая стать этой темы этого требуют. Однако послушав «Богатырскую» симфонию, пессимисты, пожалуй, назовут ее не столько богатырской, сколько «автократической», настолько велика в ней централизация и концентрация «власти» главной темы. Поэтому симфония Бородина даже несколько «антисимфонична», статична: жанр симфонии подразумевает органическое соединение различного материала и его динамичное развитие. Оптимисты же, пожалуй, будут подчеркивать явно читаемый в музыке образ Ильи Муромца, «сиднем сидевшего» тридцать лет и наконец явившего всю свою силу. Тогда «Богатырская» — это лишь зерно будущего, символ нераскрытой былинной мощи, наброски и штрихи к грандиозной поэме о русском народе, музыкальное вступление к его славной истории, которой только предстоит совершиться.

Альфред ШНИТКЕ родился 24 ноября 1934 года в городе Энгельс в Республике немцев Поволжья в смешанной еврейско-немецкой семье. Его отец, Гарри Викторович Шнитке (1914—1975), родился во Франкфурте-на-Майне, куда его родители переехали из Либавы в 1910 году. В 1927 году вместе с родителями переехал в Москву, в 1930 году — в Покровск, где вступил в партию и работал журналистом в советских немецких изданиях; рассказы и корреспонденции с фронта на русском языке печатал в газете «Большевик». Мать, Мария Иосифовна Фогель (1910—1972), происходила из немецких колонистов, переселившихся в Россию в 1765 году и осевших в деревне Каменка; работала учительницей немецкого языка. В 1943 году отца будущего композитора призвали на фронт, а Альфред с младшим братом (впоследствии поэтом, прозаиком и переводчиком В.Г. Шнитке) были отправлены в Москву, где жили у деда и бабушки по отцовской линии — инженера Виктора Мироновича (1889—1956) и редактора Теи Абрамовны Шнитке. Тея Абрамовна (урождённая Кац, 1889—1970) работала редактором в Государственном издательстве иностранной литературы, занималась немецкой филологией и переводами на немецкий язык, в том числе была автором учебника «Грамматика немецкого языка» (с Э. Б. Эрлих, Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1963; второе издание — Киев, 1995), редактором и автором примечаний к немецкому изданию романа Томаса Манна «Будденброки» (2-е издание — там же, 1959), роману Яна Петерсона «Наша улица» (*Unsere Straße*, там же, 1952, нем.), перевела на немецкий язык романы А.А. Фадеева «Последний из Удэге» (1932 и 1972), А.Б. Чаковского «*Weither leuchtet ein Stern*» (совместно с сыном, Гарри Шнитке, 1964).

Двоюродный брат А.Г. Шнитке — правозащитник и общественный деятель Владимир Эдуардович Шнитке (род. 1939), председатель петербургского общества «Мемориал» (1989), основатель Петербургского научно-исследовательского центра «Холокост». Двоюродная сестра — Ольга Анатольевна Шнитке (в замужестве Меерсон, род. 1959), американский славист.

Родители Шнитке между собой говорили по-немецки, и первым языком композитора стал немецкий, однако впоследствии он обращался к матери по-немецки, а к отцу по-русски.

Музыкальное образование для А.Г. Шнитке началось в 1946 году в Вене, куда его отец был командирован после Великой Отечественной войны корреспондентом и переводчиком газеты *Österreichische Zeitung* https://de.wikipedia.org/wiki/%C3%96sterreichische_Zeitung. По возвращении в Москву в 1948 году семья поселилась в подмосковной Валентиновке, и мать и отец устроились на работу в редакцию газеты «*Neues Leben*» (впоследствии в этой же газете работала и младшая сестра Альфреда Ирина, в ней же публиковался и его брат Виктор). Отец занимался переводами советской литературы на немецкий язык для издательства литературы на иностранных языках «Прогресс». В 1958 году Шнитке окончил Московскую консерваторию по классу композиции у Евгения Голубева, а затем и аспирантуру.

С 1961 по 1972 год Шнитке преподавал в Московской консерватории. В последующие несколько лет зарабатывал себе на жизнь в основном сочинением музыки к фильмам.

В 1989—1990 годах Берлинская научная коллегия предоставила Альфреду Шнитке стипендию.

В 1990 году композитор вместе с семьёй переехал в Германию. Начал преподавать в Гамбургской высшей школе музыки.

В последние годы жизни здоровье Шнитке резко ухудшилось: композитор перенёс три инсульта, но тем не менее до конца сохранял творческую активность. Шнитке скончался в Гамбурге 3 августа 1998 года. Похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

МАРКЕДОНОВ Сергей Мирославович

заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа

Родился 18.12.1972 г. в г.Ростове-на-Дону.

В 1990 г. поступил на исторический факультет Ростовского государственного университета, в 1995 г. с отличием окончил его.

В октябре 1995 г. после сдачи конкурсных экзаменов был зачислен в очную аспирантуру по кафедре отечественной истории Ростовского государственного педагогического университета.

В 1996 - 1998 гг.- ассистент кафедры.

В 1997/98 учебном году – лауреат Специальной государственной стипендии Правительства РФ для аспирантов.

С 1998 г.- член Союза журналистов РФ.

14 октября 1999 г. в Диссертационном совете при Институте Российской истории РАН защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук (специальность 07.00.09.- историография, источниковедение, методы исторического исследования).

Кандидат исторических наук (диплом кандидата наук КТ № 012862 от 7.12. 1999).

Автор монографии «С.Г.Сватиков - историк и общественный деятель» (Ростов-на-Дону, 1999), отв. редактор сборников «Социально-политическая ситуация на Кавказе: История, современность, перспективы» (М.,2001), «Терроризм политический экстремизм: Вызовы и поиск адекватных ответов» (М.,2002), а также автор более 80 научных публикаций по историографии и социально-политической истории казачества и Кавказа, проблемам межэтнических отношений.

Автор более 200 статей в периодической печати и интернет-изданиях.

Статьи С.М.Маркедонова были опубликованы в таких изданиях, как «Независимая газета», «Время МН», «Московские новости», «Независимое обозрение», «Литературная газета», журналы «Знамя», «Посев», интернет- ресурсы «Русский журнал», «Глобал.Рус», «Хартия», «Ima-Press».

Сфера публицистических интересов - межэтнические и межконфессиональные отношения, политический экстремизм, терроризм, политика России на Кавказе, поиски национальной идеологии.

В октябре 1998 - марте 2001 гг.- главный специалист группы мониторинга пресс-службы Губернатора ростовской области (с выполнением спичрайтерских функций).

С апреля 2001 г. живет в Москве.

С апреля 2001 г. - по настоящее время - заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа.

МАТВЕЙЧЕВ Олег Анатольевич

кандидат философских наук, профессор кафедры практической философии ВШЭ-ГУ, действительный член академии Национальной академии социальных технологий.

Родился 1 февраля 1970 г. в г. Новокузнецке Кемеровской области.

В 1987 г. поступил в Уральский государственный университет на философский факультет, который и закончил с отличием в 1993 г.

Во время учебы в аспирантуре Института Философии и Права Уральского отделения РАН, работал в вузах и школах Екатеринбурга преподавателем, писал на заказ дипломные работы и диссертации.

В 1995 году защитил кандидатскую диссертацию по философии политики и права.

С 1996 года — научный сотрудник Института Философии и Права УрО. РАН, в Екатеринбурге.

С этого же времени — активное участие в предвыборных кампаниях и спорах собственников по всем регионам России. За пятнадцать лет участие более, чем 200 проектах, начиная от выборов мэров небольших городов и муниципальных депутатов, скупок акций на предприятиях до конфликтов российских ФПГ и президентских выборов. Работал более, чем в 60 регионах России и за рубежом.

Автор книг, «культовых» для политического консультирования. («Что такое политический консалтинг?», «Проблемы манипуляции», «Уши машут ослом. Современное социальное программирование», «Предвыборная кампания. Практика против теории», «Уши машут ослом. Сумма политтехнологий»).

С 1999 г. проживает в Москве, учредитель нескольких фондов, информационных агентств, медиа-проектов и консалтинговых структур. Эксперт и комментатор газет «Ведомости», журналов «Эксперт», «Профиль», «Коммерсант-власть» и нескольких он-лайн ресурсов.

С 2003 г. Президент «Фонда поддержки футурологических исследований». Направления деятельности: исследования в области инноваций, долгосрочных трендов, прогнозирования, футурологии, поиск и пропаганда технических и гуманитарных инноваций. Преподаватель спецкурсов в Высшей Школе Экономики и МГУ. Действительный член (академик) Национальной Академии Социальных Технологий. Четыре года подряд входил в двадцатку лучших политтехнологов в России по рейтингу «Общей газеты».

С 2006 года сотрудник Администрации Президента Российской Федерации. Консультант, затем Советник Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике. Классный чин: Государственный советник Российской Федерации III класса.

Сотрудник предвыборного штаба Д.Медведева (2008 г.)

В 2010 г. заместитель губернатора Вологодской области

В 2011 г. заместитель губернатора Волгоградской области

По совместительству профессор Государственного Университета — Высшей Школы Экономики (философский факультет). Автор более 100 научных публикаций и нескольких монографий («Политические онтологии», «Антипсихология. Современный человек в поисках смысла», «Китай. На стыке тысячелетий», «Суверенитет духа», «Повелительное наклонение истории».)

Подготовлена к защите докторская диссертация. Главный редактор журнала философских переводов «Герменейя». Редактор сайта www.heidegger.ru

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич

доктор политических наук, профессор департамента политической науки Национального исследовательского университета

Высшая школа экономики и кафедры политических наук Российского университета дружбы народов

Родился 19 сентября 1951 в Москве

Эксперт в области: Политические институты и процессы в России.

Кредо/жизненная позиция: Никогда и ничего не проси.

Образование, дополнительное обучение: Московский авиационный институт (1974), Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации (1995).

Вехи карьеры: С 1974 по 1990 год работал в Научно-исследовательском институте приборостроения МАП в должностях инженер, старший инженер, ведущий инженер, старший научный сотрудник, начальник научно-исследовательской лаборатории. Занимался разработкой технических систем автоматического управления. В 1984 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук по специальной теме. С 1991 по 1993 год работал в Международном совместном предприятии «Лицом к лицу» в должностях зам. директора отделения, директора отделения прикладной информатики, зам. Генерального директора по информатике. Занимался разработкой геоинформационных технологий и программных средств для решения задач управления территориальными ресурсами. С 1993 по 1995 год - депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (избирался по Бабушкинскому избирательному округу г. Москвы), член Комитета по информационной политике и связи, председатель подкомитета по связи и информатике. Представлял в Государственной Думе Федеральные законы «Об информатике, информатизации и защите информации», «О связи», «О международном информационном обмене», «О почтовой связи», «О федеральной фельдъегерской связи», о ратификации документов Международного Союза электросвязи, Всемирного Почтового Союза. С 1996 по 1999 год работал научным руководителем Центра законодательной и парламентской работы Фонда поддержки законодательных инициатив. В 1996-1997 годах - советник Председателя Комитета по политике информатизации при Президенте Российской Федерации. В 1997 году - советник заместителя руководителя Администрации Президента Российской Федерации. С 2000 по 2001 год работал руководителем Центра законодательной и парламентской работы Института экономики переходного периода и помощником депутата Государственной Думы по договору. В 2001 году защитил в МГУ им. М. В. Ломоносова диссертацию на соискание ученой степени доктора политических наук по теме: «Информационная политика как фактор демократизации государственного управления в России». В 2002 году работал руководителем научных программ Фонда «Ноосфера», главным консультантом при Совете директоров Центра политического консультирования «Никколо-М». С 2002 по 2007 год работал директором Института проблем либерального развития. С 2002 по 2008 год - консультант, главный специалист Центра исследования проблем развития телекоммуникаций. С 2004 по 2007 год - член Экспертного совета при Комитете Государственной Думы по энергетике, транспорту и связи. С 2008 года - член Экспертного совета при Комитете Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи. С 2007 года - член Экспертного совета при Комиссии Московской городской Думы по законодательству.

Общественная/политическая деятельность С 1990 по 1993 год - депутат Московского городского Совета народных депутатов Российской Федерации, член Комиссии по науке и технике, председатель подкомиссии по поддержке регионального научно-технического потенциала. В 1993 году участник Конституционного совещания по подготовке проекта Конституции Российской Федерации. С 1993 по 1995 году - депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (избирался по Бабушкинскому избирательному округу г. Москвы), член Комитета по информационной политике и связи, председатель подкомитета по связи и информатике. 1990-1994 гг. - участник и член Координационного совета движения «Демократическая Россия». 1995-2001 гг. - член Политического совета партии «Демократический выбор России». 2002-2004 гг. - ответственный секретарь Политического совета партии «Либеральная Россия».

Публикации

Автор более 250 научных работ и публикаций в периодической печати, 26 изобретений, монографий «Информационная политика России: проблемы и перспективы» (1999), «Информация и власть» (2000), «Компромисс и конформизм» (2001), «Закон и политика» (2005), «Аудит политической системы посткоммунистической России» (2007), «Государственная власть современной России» (2008) и соавтор книг «Закон - оружие либерала» (1998), «Связи с общественностью в политике и государственном управлении» (2001), «Постзападная цивилизация» (2002), «Управление общественными отношениями» (2003), «Россия - это мы» (2005), «Законодательная деятельность: Политико-правовой анализ» (2007). «Газетный Ёж». Политическая публицистика: политика, коррупция, выборы. М.: Трансперенси Интернешнл-Р, (2012)., «Индексы развития государств мира» / Под общ. ред.: Ю. А. Нисневич. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014., Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003-2012 годах. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2014.

Владеет французским, английским языками.

В 1985 году за разработку новой техники награжден медалью «За трудовую доблесть».

В 2011, 2012 и 2013 годах признана студентами ЛУЧШИМ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ ГУ ВШЭ

Увлекается литературой и живописью. Любимые виды спорта: волейбол, настольный теннис, футбол.

Женат, две дочери.

САВЕЛЮШКИНА Ирина Викторовна

психолог, бизнес-тренер, сертифицированный НЛП-практик, трансформационный Коуч-практик, мастер Эннеаграммы, член ICTA (International coach and trainer Association)

Родилась 02 июля 1969 года в городе Железногорске Красноярского края.

В детстве занималась в студии балета, посещала музыкальную и спортивную школы. Сначала мечтала стать артисткой балета и танцевать в Большом театре, потом быть парикмахером и работать в красивом салоне. Но, в 1986 году переехала в Воронеж и...

Образование:

ВГПУ – факультет география/биология (1 год), факультатив – спортивное ориентирование (инструктор по спортивному ориентированию).

ВГУ – факультет геологии, специальность инженер-гидрогеолог.

ВИЭСУ – факультет психологии, специальность психолог.

Дополнительное образование: сертификационные курсы по профессиональной подготовке Эриксон-колледж (Ванкуверский университет Эриксоновской психотерапии и гипноза), Московская Академия Эннеаграммы, центр обучения и развития «Вектор роста» (Москва), тренинги компании «DOOR» (Нидерланды), Таллиннской школы менеджмента и т.д.

Профессиональная деятельность:

разрабатываю, организую и веду тренинги и различные обучающие программы в Воронеже и по ЦЧО с 1998 года. Работала специалистом по обучению в таких компаниях как ООО «Zepter International», ООО «Росгосстрах-Жизнь». Входила в состав консалтинговых проектных групп по организационному консультированию (клиенты «Воронежский механический завод», «Воронежский молочный комбинат» и т.д.).

В настоящий момент работаю тренинг-менеджером по обучению директоров магазинов направления «Fashion Retail» в ассоциации «Галерея Чижова». Разрабатываю учебные программы и методические пособия для направления «Fashion Retail».

Попутно: вела обучающий курс «Эффективные коммуникации. Методы НЛП», «Начальные навыки подбора персонала. Методы НЛП». Организовывала тренинги по методу Эннеаграммы с 1999 года. С 2010 года веду тренинг «Метод Эннеаграммы. Глубинные мотивации человека». Занимаюсь образовательными социальными проектами под эгидой компании «Ангстрем» - «Веселая планета» (экообразование для детей 5-6 лет), «Большая игра» (тренинг профориентации для старшеклассников), Школа эффективных коммуникаций «Репное».

Увлечения: йога, здоровый образ жизни, театр, кино, литература, стилистика, мода, психологическая аналитика сложных систем.

Считаю, что цель – не знания, а поступки.